ВОСПОМИНАНІЯ ДАВНО ПРОШЕДШАГО ВРЕМЕНИ.

Кому неизвѣстно, что всѣ рѣзкіе случаи въ жизни человѣка, которые, по свойству своему, касались ли васъ самихъ лично, или же относились къ другимъ лицамъ, но сдѣлались вамъ извѣстными,—одинаково остаются въ памяти на всю жизнь. Особенно памятна ребяческая жизнь, проведенная подъ родительскимъ кровомъ до начала ученія. Вотъ мнѣ почти 75 лѣтъ отъ рожденія, но ребяческая жизнь на столько сохранилась въ моей памяти со всѣми подробностями, что какъ будто все это происходило вчера.

Родился я отъ сельскаго священника, у котораго, кромѣ меня, еще было три сына и три дочери. При такомъ семействѣ, родителю нашему было весьма трудно воспитывать насъ; поэтому мы и не испытали привольной жизни, и насъ ни въ чемъ не баловали: лѣтомъ, напримѣръ, мы почти постоянно бѣгали въ однѣхъ самотканныхъ рубашенкахъ и босикомъ, а если иногда и случалось, что мало-мальски обряжали насъ, такъ это когда мы ходили въ церковь, или же брали насъ куда нибудь въ гости. Бывало, весной, лишь только начинало таять, мы, нисколько не задумываясь, бѣгали по снѣгу босикомъ на проталину, для того собственно, чтобы тамъ играть шаромъ или въ козлы, и все это проходило благополучно, нисколько не отражаясь на нашемъ здоровьѣ. Правда, послѣ босоногой бѣготни немало приводилось терпѣть отъ ранъ на ногахъ, называемыхъ въ простонародьѣ цыпками, но и это скоро залѣчивали намъ смазываніемъ ногъ сметаною съ какимъ-то составомъ.

Первоначальной грамотѣ обучала насъ родительница, потому что родителю нашему совершенно не было свободнаго времени заниматься съ нами: онъ почти всегда находился въ отлучкѣ изъ дома съ разными требами по приходу, состоявшему изъ нашего села и еще изъ четырехъ деревень, расположенныхъ въ пяти, семи, девяти и двѣнадцати верстахъ. Да кромѣ того онъ состоялъ еще членомъ Лукояновскаго Духовнаго Правленія, что вынуждало его, хотя и не каждодневно, но и туда путешествовать за двѣ версты отъ дома. Такимъ образомъ первоначальное воспитаніе наше окончательно зависило отъ родительницы нашей. Эта была трудолюбивая и энергичная женщина, и вездѣ она успѣвала. Кромѣ веденія всего хозяйства по дому, она всѣхъ насъ обшивала, включительно до всякой мелочи. Мало того, для

хозяйства она своими же руками натыкала и нѣсколько холстовъ; при этомъ, впрочемъ, надобно сказать, что пряжа для холстовъ, большею частію, изготовлялась на вечеринкахъ приглашаемыми въ домъ крестьянскими женщинами и дѣвицами. А надобно сознаться, что мать иногда сильно и пронимала насъ. Бывало за каждую провинность, чуть кто либо изъ насъ что̀ сплалитъ, она, безцеремонно, уцемя голову виновника между ногъ и спустивши штанишки его, выдернутымъ изъ вѣника прутомъ сильно нахлыщетъ.... Да при этомъ доставалось не только одному виновному, но и всѣмъ остальнымъ,—дескать, чтобы неповадно было, и тогда, при такой вспышкѣ, уже паровишь, если лѣтомъ, то убѣжать на улицу и укрываться тамъ до того времени, когда совсѣмъ пройдетъ гнѣвъ ея; зимой же укрывались на палатяхъ, устроивъ тамъ баррикаду изъ своихъ тулупишекъ, не допускавшую къ намъ доступа; при домогательствѣ же достать насъ кочергами и ухватами, то и ихъ перебирали туда же, и значитъ уже находились внѣ всякой опасности.

Обучившись читать по Славянской и гражданской печати я 8 или 9 лѣтъ былъ уже представленъ въ Арзамасское Духовное Училище. Вотъ съ этого времени пошла иная жизнь,—жизнь озабоченная, безпокойная и сопряженная съ разными непріятностями. Педагогика была въ то время весьма грубая и деспотическая, сопровождавшаяся сильными истязаніями учениковъ, отъ чего, естественно, въ нихъ поселялся сильный страхъ и заглушались всѣ способности. Были такіе наставники, которые наказывать учениковъ розгами считали какъ будто бы необходимымъ для себя развлеченіемъ, и были случаи, что наказаніе иногда производилось ни за что ни про что; однимъ словомъ, какъ говорится, перевернешься бьютъ и не довернешься бьютъ.

А вотъ каковъ у насъ былъ въ 3-мъ классѣ учитель Снѣжницкій, чистой тиранъ, который во время наказыванія ученика, подошедши къ самой головѣ его, съ такою злобою смотрѣлъ на эту операцію, что лицо у него дѣлалось раскаленнымъ, а голова тряслась какъ у контуженнаго, и въ довершеніе всего кричалъ исполнителю „крѣпче! рѣже!“ и „наконецъ брось!“ При этомъ казалось, что онъ даже готовъ былъ зубами загрызть несчастнаго. Всего только одинъ разъ случилось испытать и то лишь одну плигу (какъ онъ это самъ называлъ), т.-е. одинъ ударъ, и то было такъ горячо, что мнѣ представилось, какъ будто бы меня раскаленнымъ желѣзомъ обожгло. Интересно было бы знать, что̀ сдѣлали бы въ настоящее время ученики, имѣя у себя подобнаго учителя? А мы тогда въ школѣ-то вовсе не считали для себя обидными такіе пустячки, какъ, напримѣръ, услышать отъ учителя: „оселъ, дуракъ, мерзавецъ, подлецъ“, или же получить оплеуху всей пятерней по лицу, или же корешкомъ книги по головѣ. Однакоже и въ наше время были удальцы-ученики. Слышно было, что мучителя Снѣжницкаго нѣсколько дюжихъ учениковъ, подкарауливъ зимой ночью, ѣхавшаго изъ города въ слободу (гдѣ у него была квартира), чуть-чуть не утопили въ рѣкѣ, и спасло его только то, что тутъ было не очень глубоко, и поэтому не могли его упрятать подъ

ледъ. А вѣдь этотъ кровопійца впослѣдствіи сдѣлался священникомъ. И какъ его не могла мучить совѣсть при совершеніи Евхаристіи! Вѣдь извѣстно, что Господь не разрѣшилъ и Давиду устроить храмъ, сказавъ ему, что отъ войнъ у тебя руки въ крови, и пусть уже выстроитъ храмъ сынъ твой Соломонъ.

Не смотря на всѣ строгости въ училищѣ, все-таки были не только такія шалости, которыя вообще свойственны ребяческому возрасту, но и такія, какъ, напримѣръ, зимой кулачные бои съ мѣщанскими мальчишками, а что всего еще хуже, такъ это кражи у своихъ товарищей: денегъ, лепешекъ и даже учебныхъ книгъ, за что, разумѣется, строго наказывалось, когда доходило объ этомъ до свѣдѣнія инспектора или учителя. Были еще своего рода и взяточники,—это лучшіе ученики, называемые нотаторами, которымъ ввѣрялось по нѣсколько учениковъ для выслушанія заданнаго урока и которыми потомъ о степени знанія отмѣчалось въ каталогѣ противъ каждаго ученика Латинскими словами, въ сокращенномъ видѣ, такъ: sc (sciens знающій), er (errantеr съ погрѣшностію), nb (non bene не хорошо), nt (non totum не все), ns (non sciens незнающій). Такая метода вовсе не побуждала учениковъ къ знанію урока, а напротивъ, во многихъ поселяла даже лѣность и нерадѣніе; въ самихъ же нотаторахъ воспитывала своего рода взяточничество, въ виду того, что учителю, по большому количеству учениковъ, не было никакой возможности провѣрять правильность сдѣланныхъ въ каталогѣ отмѣтокъ, такъ какъ онъ въ продолженіе всего класса занимался только тѣмъ, что производилъ расправу, или, проще сказать, порку тѣхъ учениковъ, которые значились по отмѣткамъ не вполнѣ, или вовсе незнающими урока. Давались взятки пятаками или же лепешками. Наприм., мальчикъ-нотаторъ изъ перваго класса, не знающій еще Латинскихъ названій и дѣлающій въ каталогѣ отмѣтки только по изученнымъ знакамъ, узнавши, что у ученика изъ его нотаты имѣются лепешки, говоритъ ему: „дай мнѣ, — я тебѣ сіенецъ запишу“. Брали еще взятки старшіе,—это лучшіе изъ учениковъ 4-го класса, которымъ ввѣрялось наблюденіе за нравственностію учениковъ какъ въ ихъ квартирахъ, такъ и внѣ ихъ.

Въ свою очередь и наши педагоги не считали для себя предосудительнымъ получать подачки отъ нашихъ болѣе состоятельныхъ родителей, какъ-то: гусями, утками, поросятами, а иногда даже и деньгами, за то, чтобы на ихъ сыновей было обращаемо больше вниманія; при первоначальномъ же представленіи своихъ сыновей въ училище, такіе родители считали даже своею непремѣнною обязанностію побывать съ подачками у смотрителя и учителя того класса, въ который зачисленъ его сынъ. Да и самые ученики такихъ родителей, по прибытіи изъ дому послѣ вакацій или Рождественскихъ праздниковъ, при явкѣ къ учителю, давали ему денегъ не менѣе 20 к., а послѣ Пасхи, кромѣ денегъ, еще одинъ или два десятка яицъ.

Неудивительно, что люди, свыкшіеся еще съ ребячества со взяточничествомъ, становились потомъ отъявленными взяточниками, каковыми были

въ то время священники въ роли благочинныхъ и членовъ духовныхъ правленій и консисторій, а также на гражданской службѣ секретари и столоначальники, въ средѣ которыхъ, какъ извѣстно, преимущественно находились лица изъ духовнаго званія.

Ученики-взяточники отъ своихъ товарищей отличались тѣмъ, что у нихъ очень часто можно было видѣть калачи, гречушники, пышки, орѣхи и пряники. Они иногда даже изъ класса, во время перемѣны, бѣгали, или кого-нибудь посылали за калачами къ Никеркѣ, находившемуся отъ училища саженяхъ въ пятидесяти. Это былъ старикъ лѣтъ 70, но еще крѣпкаго тѣлосложенія, имя его было Никифоръ Иванычъ. Онъ имѣлъ лавку съ хлѣбнымъ товаромъ и разными вещами, собственно приноровленныя къ потребностямъ учениковъ и продаваемыми по весьма доступнымъ цѣнамъ, и преимущественно лишь за одинъ грошъ, составлявшій 2 к. ассигн. и равнявшійся теперешней ½ к. сер. Однакоже грошъ этотъ въ то время имѣлъ такую цѣнность, что на него, напримѣръ, можно было купить 1 ф. говядины, а баранины 2 ф. А еще надобно сказать, что Никеръ Ивановичъ и самъ покупалъ у учениковъ, или обмѣнивалъ на куски пшеничнаго хлѣба, испеченнаго изъ самаго низшаго сорта муки, разную рухлядь, какъ напримѣръ: испорченные замки, отдѣльные ключи и проч., да не отказывался принимать и краденыя учебныя книги, и за всякую вещь, большею частію, всегда давалъ тоже грошъ. Да прибавь, Никеръ Иванычъ, просилъ ученикъ,—грошъ—грошъ—грошъ. Но если же требованія прибавки были черезчуръ настойчивы, да и самая вещь по соображенію Никерки стоила дороже, тогда онъ бралъ грошевый кусокъ пшеничнаго хлѣба, и предварительно обмакнувъ его въ подонки постнаго масла, скопившіеся подъ кувшиномъ съ масломъ на желѣзномъ листѣ съ загнутыми къ верху краями, передавалъ ученику со словами „вотъ тебѣ еще въ придачу“, и послѣ этого дѣло уже слаживалось.

А вотъ изъ моей школьной жизни въ г. Арзамасѣ сохранилось въ памяти еще одно курьезное событіе—это выборъ октавы для духовнаго пѣвческаго хора Благовѣщенской церкви; а такъ какъ въ этомъ хорѣ участвовало нѣсколько учениковъ изъ Духовнаго Училища, то отъ нихъ мнѣ и сдѣлалось извѣстнымъ это обстоятельство со всею подробностію. Хоръ этотъ содержался на средства старосты этой церкви купца Федула Никулыча Скорнякова и находился подъ управленіемъ регента изъ купеческой же среды, торговца желѣзнымъ товаромъ Петра Михеича Заишникова. Этотъ регентъ былъ еще мальчикомъ въ какомъ-то хорѣ, а потомъ нѣсколько времени пѣлъ уже теноромъ, поэтому изучилъ Итальянскую ноту и мало-мальски приспособился задавать тонъ для пѣнія аккордомъ. Взялся онъ за это дѣло безъ всякой для себя мзды, а собственно изъ усердія къ храму Божію и изъ любви къ искусству. Разумѣется, при такомъ регентѣ нельзя было ожидать хорошаго и правильнаго пѣнія; но можно сказать, что и большой-то надобности въ этомъ не было, потому что не только тогда, вообще можно сказать въ простоватое время, но даже и теперь, по понятіямъ купцовъ, или вообще

разныхъ торговцевъ, вся суть пѣнія заключается въ томъ, чтобы какъ можно больше было крику, особенно въ басовой партіи. Ты смотри, нынѣ за всенощной „узримъ то свѣтъ“ (въ славословіи), тяпни хорошенько, говорилъ одинъ изъ любителей пѣнія басу, давая вмѣстѣ съ этимъ ему копѣекъ 10 или 15 для того, чтобы тотъ для бо́льшей храбрости хватилъ передъ всенощной извѣстную порцію горлодерцу, т. е. водки. Такія лица тихое, медленное пѣніе (адажіо) вовсе не уважаютъ: что̀, говорятъ, это за пѣніе, одна волокита только; толи дѣло: прежде переборы-переборы-переборы, а потомъ ляпо́къ или два ляпка [1]). Такъ какъ Благовѣщенскій хоръ былъ единственный по всему городу, то туда къ каждой праздничной службѣ валомъ валили граждане, чтобы слушать пѣвчихъ. Послѣ службы, выходя изъ церкви, многіе говорили: „Федулъ Викулычъ, важнѣюще поютъ у васъ пѣвчіе“. Отъ такихъ похвалъ у Федула Викулыча, какъ говорится, бывали ушки на маковкѣ.

Не знаю, самому ли Федулу Викулычу захотѣлось, или же кто посовѣтовалъ ему, для большей красоты пѣнія, имѣть въ хорѣ октаву, и онъ окончательно рѣшился, во что бы ни стало, обзавестись ею, хотя эта октава впослѣдствіи ему и доставила много непріятностей, но разумѣется, впередъ предвидѣть этого было невозможно. Прежде присматривались, что не найдется ли октавы въ самомъ городѣ или окрестностяхъ, однакоже не нашлось; потомъ Федулъ Викулычъ просилъ нѣкоторыхъ изъ торговцевъ присматривать въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ они бываютъ съ своими товарами. Но и тутъ долго шло дѣло безуспѣшно. Наконецъ объявилась октава въ г. Саранскѣ, Пензенской губ., слишкомъ за 200 верстъ отъ Арзамаса. Это былъ семинаристъ, исключенный за безуспѣшность въ наукахъ, весьма большого роста, съ физіономіею рябою и опухшею, вѣроятно вслѣдствіе усерднаго поклоненія Бахусу; но на это Федулъ Викулычъ не обратилъ вниманія, а былъ весьма радъ, что наконецъ объявилась октава, да такая, что и въ разговорѣ-то какъ немазаная телѣга дерябила. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ и по совѣту регента Михеича въ этотъ же день, вечеромъ, назначена проба, при общей спѣвкѣ всего хора.

Вѣсть о прибытіи октавы тотчасъ распространилась по всему городу; всѣ только и говорили про октаву и въ домахъ, и при встрѣчахъ на улицѣ, При встрѣчѣ же съ Федуломъ Викулычемъ еще издалека кричалъ какой-нибудь знакомый купецъ: „Федулу Викулычу наше почтеніе, съ октавкой имѣемъ честь поздравить“ [2]). Да-съ, да-съ, отвѣчалъ тотъ, при этомъ даже чмокалъ губами отъ удовольствія, какъ будто бы сейчасъ только покушалъ чего-нибудь сладкаго; да-съ, октава здоровенная; регентъ Михеичъ говоритъ,

---

[1]) Ляпо́къ, т. е. сильный ударъ голоса, преимущественно баса.

[2]) Говорить привѣтствіе во множественномъ числѣ и до сихъ поръ въ обычаѣ у купцовъ.

что онъ такой октавы отродясь не слыхивалъ, просто пучина; а ноты-то, ноты-то какъ „помилуй мя Боже“ читаетъ, вотъ въ праздники услышите. При такомъ пріятномъ настроеніи по отношенію къ октавѣ, онъ тотчасъ же послѣ первой спѣвки постарался заключить съ нею условія. Сдѣлка скоро была закончена на такихъ условіяхъ, что жалованье 10 р. въ мѣсяцъ и кромѣ того квартира и содержаніе, но только въ общей артели съ его молодцами-приказчиками; къ большимъ праздникамъ будутъ подарки, но обмундировка должна быть своя; въ заключеніе же всего, по Русскому обычаю, помолились Богу и ударили по рукамъ, а октава, въ свою очередь, попросила задаточка въ три рубля, въ чемъ ей и не было отказано. Это было устроено дня за четыре до праздника Рождества Христова; поэтому, находившійся при сдѣлкѣ Михеичъ, прямо сказалъ октавѣ, чтобы она съ нынѣшняго же вечера являлась каждый день на спѣвку, дескать въ праздникъ-то какъ можно больше нужно доставить прихожанамъ удовольствія пѣніемъ.

Однако вышло не такъ; не даромъ говорится, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ назначенное для спѣвки время всѣ пѣвчіе явились, но октавы не было; подождали съ полчаса, но напрасно, и такимъ образомъ спѣвка состоялась безъ октавы; октава же, получивши въ задатокъ три руб., не могла удержаться, чтобы не поздравить себя съ началомъ дѣла, и вслѣдствіе этого явилась домой часовъ въ 10-ть вечера, уже, какъ говорится, безъ задпихъ ногъ. Федулъ Викулычъ отдалъ строгое приказаніе своимъ молодцамъ, чтобы октаву съ завтрашняго дня никуда не выпускать изъ дома, а на спѣвку одному которому-нибудь изъ молодцовъ провожать и оттуда, по окончаніи спѣвки, съ нею же тотчасъ возвращаться домой. Это хорошо говорить, но не всегда возможно сдѣлать. Такъ удобно поступить съ мальчикомъ, котораго, взялъ въ охапку, и неси куда угодно; но что сдѣлаешь съ такимъ человѣкомъ, который безъ водки часа пробыть не можетъ, а по своей физической силѣ легко можетъ управиться съ тремя. Пьяная октава всю ночь спала безъ просыпа, а проснувшись утромъ, первымъ ея долгомъ было потребовать водки для похмѣлья, грозя въ противномъ случаѣ не идти на спѣвку. По неволѣ пришлось ей дать опохмѣлиться. И что же вышло? Октава, опохмѣлившись, пустилась на хитрость, притворившись снова спящею, съ сильнымъ даже храпомъ, для того, чтобы этимъ отстранить наблюденіе за собою ее стороны молодцовъ, что ей и удалось. Молодцы, считая ее уснувшею, одинъ за другимъ удалились изъ комнаты; тогда октава преспокойно ушла изъ дома никѣмъ незамѣченная. Такой поступокъ произвелъ сильный переполохъ во всемъ домѣ: всѣ засуетились, но не знали что дѣлать, а одинъ изъ молодцовъ, впопыхахъ, вбѣжалъ къ хозяину, и чуть не со слезами началъ ему говорить: „Батюшка, Федулъ Викулычъ, прости ты насъ, мы не досмотрѣли, вѣдь октава то сбѣжала со двора, а куда неизвѣстно“.—„Искать, искать! съ сильнымъ гнѣвомъ сказалъ хозяинъ, искать по всѣмъ кабакамъ и трактирамъ и непремѣнно привести домой“. Спрашиваютъ въ первомъ заведеніи: была здѣсь октава? Была, отвѣтили. Что она дѣлала? Выпила косушку водки

и ушла, а куда, неизвѣстно. Точно также сказали во второмъ, да еще во скольких-то заведеніяхъ, и наконецъ ее нашли, уже безъ всякихъ чувствъ, валяющеюся на улицѣ, и въ такомъ видѣ доставили домой. Скорѣе въ баню, въ баню, чтобы паромъ выгнать весь хмѣль, закричалъ своимъ молодцамъ Ф. В., а потомъ отвести на спѣвку и не давать ни капли водки. Въ банѣ она дѣйствительно протрезвилась, снова, для похмѣлья, запросила водки, но ей не дали. А! вы мнѣ не даете, такъ я самъ найду, и ушелъ, предварительно давши нѣсколько тумаковъ тѣмъ молодцамъ, которые вздумали было задерживать его. Снова уже не отыскивали его по питейнымъ заведеніямъ, и Ф. В. прямо уже приказалъ своимъ молодцамъ, что какъ только октава явится, то ее тотъ часъ же гнать въ шею изъ дома. Чрезъ нѣсколько часовъ октавистъ дѣйствительно явился домой и началъ говорить молодцамъ такъ: „Вы кто? Вы сволочь, сволочь и самъ хозяинъ! Вы всѣ моей подметки не стоите! А я артистъ, я художникъ, я во многихъ архіерейскихъ хорахъ былъ, въ Москвѣ въ купеческомъ, да меня было въ придворный хоръ принимали, но я не пошелъ туда, знаю почему!“.. Почему? Знамо за водку, послышался голосъ изъ артели. Нѣтъ! не за водку, я еще тогда и пилъ ее немного, а за то я туда не попалъ, что такому же молодцу, какъ ты, немного въ сторону скулу направилъ“.—„Да ты много-то не ерохорся“, послышался снова изъ артели голось, „вѣдь хозяинъ сказалъ, что если ты не уйдешь по добру, то онъ велѣлъ тебя изъ дома въ шею гнать“.—„Какъ, меня въ шею! Ну-ка выходи, кто изъ васъ смѣлѣй! Ни одного зуба во рту не оставлю, всю рожу подъ орѣхъ раздѣлаю, ни одного цѣльнаго ребра не оставлю и до послѣдней косточки, все разнесу! Ну что же выходите, вѣдь я одинъ на всѣхъ! А, небось струсили! Да я отъ-сюдова не уйду до тѣхъ поръ, покудова мнѣ на проѣздъ и на харчи денегъ не дадутъ“.—„Ну ужъ выбралъ себѣ хозяинъ гуся лапчатаго! сказали молодцы. Что намъ съ нимъ теперь дѣлать?“ Долго еще съ нимъ путались, и въ концѣ-концовъ уже устроили такъ, что для этой знаменитой октавы наняли подводу до самаго г. Саранска, снабдивъ ее достаточнымъ количествомъ денегъ какъ за провозъ, такъ и на путевые расходы.

Вѣсть объ отъѣздѣ октавы снова распространилась по всему городу. Въ церкви, когда Ф. В. спрашивали объ отсутствіи въ хорѣ октавы, онъ умышленно показывалъ себя занятымъ, раздавая свѣчи и получая за нихъ деньги. Всего же больше доставалось ему непріятностей отъ сорванцовъ-учениковъ Духовнаго Училища. Братцы, братцы! кричали мальчишки изъ толпы, когда вблизи ихъ проходилъ Ф. В., нѣтъ ли у кого октавки? Другой кричитъ: Ф. В., изъ Москвы пріѣхала здоровенная октава, вотъ бы тебѣ въ хоръ-то, и водки-то пьетъ немного, не больше полуштофа въ день; затѣмъ еще кричатъ: Федулъ, что губы надулъ, или со двора октава сбѣжала? Идетъ Ф. В. въ трактиръ, чтобы съ пріятелемъ чайку попить, и тутъ, какъ съ неба свалившійся мальчишка кричитъ ему вслѣдъ: Что не захватилъ съ собою октаву, вѣдь ей опохмѣлиться хочется; въ лавку приходитъ для какой-либо покупки, и тутъ въ отворенную дверь снова ему кричатъ: Или для

октавки къ празднику подарочекъ покупаешь. Идетъ домой отдохнуть и опять великое огорченіе: на воротахъ мѣломъ крупными буквами написано „октава“; вынимаетъ изъ кармана носовой платокъ, и тутъ записка съ тою же надписью.

Ф. В. уже не иначе выходилъ изъ дома, какъ только въ сопровожденіи своего молодца-артельщика, который слѣдовалъ за нимъ въ отдаленіи, какъ будто бы совсѣмъ посторонній человѣкъ, и слѣдилъ за мальчишками. Вотъ такимъ-то способомъ легко и удалось поймать виновнаго мальчишку и представить его къ инспектору училища, которымъ, разумѣется, и была дана достаточная порка. Этому инспектору была фамилія Прудентовъ, но мы его называли Плюдентовъ потому, что имъ въ разговорахъ буква р, всегда замѣнялась буквою л. Фраза: „я тебя мельзавца до смельти заполю“ была его излюбленная и всегда имъ произносимая при всѣхъ гнѣвныхъ его проявленіяхъ.

Наконецъ прекратилось и мое пребываніе въ Арзамасскомъ училищѣ, за переходомъ уже въ Семинарію, а изъ нея потомъ на службу въ Нижегородскую Палату Государственныхъ Имуществъ, гдѣ мнѣ воочію пришлось ознакомиться съ разными характерами взяточниковъ и убѣдиться, что всѣ тѣ столоначальники и секретари, происходящіе изъ духовнаго званія и обучавшіеся въ духовныхъ школахъ, были по взяточничеству гораздо смѣлѣе, настойчивѣе и даже можно сказать безсовѣстнѣе, какъ свыкшіеся еще съ мальчишества брать пятаками и лепешками, чѣмъ чиновники не обучавшіеся въ этихъ школахъ; первые съ просителями торговались, какъ на барчугѣ, и прямо назначали для себя цѣну десятками и даже сотнями рублей, а вторые довольствовались тѣмъ, что̀ имъ давали.

Въ вѣдѣніи Палаты Государственныхъ Имуществъ былъ еще третій сортъ взяточниковъ. Это лѣсные чины, которые поступали въ этомъ дѣлѣ замаскированно, иногда прикрываясь законными условіями. Они и отъ себя давали взятки не открыто, а такъ сказать подъ спудомъ. Лѣсничій, подойдя напримѣръ къ столоначальнику Палаты, и тутъ, при любезномъ съ нимъ разговорѣ, секретно подсунетъ подъ дѣло или бумагу одинъ, или нѣсколько кредитныхъ билетовъ. Точно также лѣсничіе поступали и по отношеніи къ губернскому лѣсничему и лѣснымъ ревизорамъ, подкладывая имъ деньги въ шнуровыя книги во время ревизіи. При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, и самая ревизія производилась только для виду, и всѣ ревизующіе чины никогда не заглядывали во внутрь лѣсныхъ дачъ, ограничиваясь лишь тѣмъ, что̀ усматривалось на пути при проѣздѣ въ казенный домъ лѣсничаго, находившагося въ дачѣ, и въ которомъ, такимъ образомъ, и заканчивалась вся ревизія при обильномъ изліяніи винъ и изысканныхъ яствъ. Лѣсному же ревизору Р. и такая метода ревизіи казалась неудобною, и онъ никогда не ѣздилъ въ Макарьевскія лѣсничества, а всѣхъ лѣсничихъ вызывалъ къ назначенному сроку, по сосѣдству, въ г. Васильсурскъ, чрезъ своего пріятеля, та-

мошняго помощника исправника Ф. Л. С., къ которому въ назначенный день являлся и самъ. Всѣ лѣсничіе пріѣзжали съ своими шнуровыми книгами, и разумѣется, по заведенному порядку, не забывали вкладывать въ каждую изъ нихъ приношенія. Въ книгахъ дѣлались ревизіонныя надписи, и изъ нихъ выбирались вложенныя деньги, а затѣмъ уже начиналась дружеская бесѣда.

Сначала все шло чинно, разговоровъ было немного, и всѣ держали себя съ достоинствомъ. По мѣрѣ же усиленія выпивки, мало-по-малу оживлялись и разговоры; начались другъ противъ друга шуточки и остроты, пѣніе романсовъ, и даже самъ ревизоръ Р., какъ лютеранинъ, комично копировалъ въ произносимой рѣчи Нѣмецкаго пастора; вакханалія же между тѣмъ окончательно вступила въ свои права, съ обиліемъ изысканныхъ винъ и разнородныхъ закусокъ. И вотъ при такихъ обстоятельствахъ вдругъ, какъ точно при Вавилонскомъ столпотвореніи, всѣ заговорили на разныхъ языкахъ, не понятныхъ другъ для друга. По случаю же сильнаго опьяненія, ноги совсѣмъ отказывались повиноваться, и нѣкоторые уже падали, какъ подстрѣленные. Такая вакханалія продолжалась иногда сутокъ до трехъ, и въ ней, разумѣется, принималъ участіе и самъ хозяинъ. На прощаніи же всегда произносился спичъ, ревизоромъ Р., приблизительно въ такомъ смыслѣ: „Милостивые государи, любезные товарищи! Всѣмъ намъ извѣстно, что въ сей богоспасаемый градъ привели насъ не корысть какая и не страхъ чего-либо, а братскія чувства любви и желаніе получить въ дружескомъ общеніи удовольствіе, и этого мы вполнѣ достигли. Не было между насъ ни гордости, присущей при неравенствѣ ранговъ, ни противорѣчія: чего желалъ одинъ, тому сочувствовали и всѣ прочіе. При такой солидарности, кулинарное дѣло было доведено у насъ до совершенства, особенно услаждала нашъ вкусъ Сурская стерлядь. Великій трудъ доставляло намъ дѣло по размѣщенію нашихъ припасовъ въ предназначенныя мѣста, нѣсколько разъ доводившее насъ до великаго изнеможенія; но при энергичной и дружной работѣ, это трудное дѣло доведено теперь нами до конца. Всѣ эти трофеи нашихъ побѣдъ (указывая на опорожненныя отъ вина бутылки), освобожденныя нами отъ гнетущей ихъ влаги и теперь уныло взирающія на нашъ отъѣздъ, суть нѣмые свидѣтели великой нашей дѣятельности. А этотъ мужъ (указывая на хозяина), образецъ добродѣтеля, какъ Авраамъ принявшій, насъ, странниковъ подъ свой кровъ, почти неотлучно присутствовалъ съ нами, и въ тоже время помогалъ намъ въ общей работѣ по размѣщенію припасовъ по мѣстамъ. Да будетъ же эта чара наполненная нектаромъ (стаканъ съ Шампанскимъ) для его сердца веселіемъ и отъ насъ благодарностію, съ пожеланіемъ ему многолѣтняго здравія. Ура! Ура! Ура! Этимъ закончилась ревизія Макарьевскихъ лѣсничествъ.

Вотъ такія-то ревизіи и породили въ грандіозныхъ размѣрахъ самовольныя порубки лѣса въ казенныхъ дачахъ, а въ лѣсничихъ развили страсть

къ широкимъ корыстнымъ дѣйствіямъ, какъ напримѣръ. Одинъ изъ нихъ по фамиліи Л., разбивая дачу въ своемъ лѣсничествѣ на кварталы, въ которыхъ, по положенію, просѣки должны быть шириною всего лишь въ три сажени, устроилъ ихъ въ тридцать сажень, преслѣдуя при этомъ двѣ цѣли: одну ту, что, разумѣется, чрезъ это увеличивалось въ большихъ размѣрахъ количество вырубаемаго лѣса, а другую ту, что это доставляло больше простора промышленникамъ-птицеловамъ разставлять сѣти для ловли рябчиковъ. Другой лѣсничій доносилъ Палатѣ, что къ его лѣсничеству, расположенному при сплавной рѣкѣ Ветлугѣ, прибыло нѣсколько плотовъ строевого лѣса, на которыхъ не оказалось ни хозяевъ, ни рабочихъ, и неизвѣстно кому принадлежащіе. Однакоже по произведенному слѣдствію выяснилось, что этотъ лѣсъ и есть вырубленный на просѣкахъ трехсаженной ширины, расположенныхъ въ верху рѣки. Плоты эти, какъ не имѣющіе на сплавъ билетовъ, были остановлены этимъ лѣсничимъ, и по его же совѣту оставлены на произволъ судьбы въ тѣхъ видахъ, чтобы во 1-хъ не обнаружить виновнаго въ этомъ дѣлѣ лѣсничаго, а во 2-хъ и для ихъ хозяевъ гораздо лучше вовсе отступиться отъ нихъ, чѣмъ быть привлеченными къ суду и подвергнуться штрафу въ большомъ количествѣ. А вотъ еще лѣсничій, который, будучи уже въ отставкѣ,самъоткровенно и комично разсказывалъ про такой курьезный случай, устроенный имъ, благодаря невѣдѣнію и простотѣ крестьянъ.

Въ моемъ лѣсничествѣ, говорилъ онъ, по игрѣ природы, росла черная береза, которая, какъ рѣдкостная и находившаяся при проѣзжей дорогѣ, всѣмъ бросалась въ глаза. Долго она тутъ стояла невредимо, но наконецъ, кто-то ее срубилъ. Вотъ тутъ-то и началось дѣло. Вызвавши въ лѣсничество изъ сосѣднихъ селеній выборныхъ отъ крестьянъ, я, говоритъ, повелъ съ ними такую рѣчь: „Вы знали, ребята, растущую вотъ тутъ-то при дорогѣ черную березу, вѣдь ее срубили, а кто срубилъ,—неизвѣстно! Что-то теперь будетъ моей головушкѣ, вѣдь эта береза была единственная во всей Россіи и даже извѣстна самому Государю; теперь меня засудятъ и запрячутъ въ острогъ, да и вамъ, какъ сосѣдямъ, не легко будетъ: пожалуй всѣхъ сошлютъ въ Сибирь. Ахъ, ребятушки! Если вамъ нужно было дерево, то вы мнѣ бы сказали, и я бы вамъ сто деревъ отпустилъ задаромъ; только не трогали бы эту березу“. Послѣ такого монолога крестьяне сильно струсили, вышли въ сѣни для совѣщанія между собою, и вернувшись въ комнату положили передъ лѣсничимъ на столъ нѣсколько золотыхъ монетъ и съ грустью сказали: „ты, родимый, пожалѣй и не губи насъ, и ужъ какъ нибудь замни это дѣло“. Лѣсничій же какъ будто бы и не замѣчаетъ положеннаго на столъ золота, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, поджавши животъ руками и все охаетъ и твердитъ: „что-то теперь будетъ моей головушкѣ!“ Крестьяне вновь выходили въ сѣни для совѣщанія и къ прежнимъ золотымъ монетамъ еще прибавили столько же. Тогда лѣсничій, увидавши, что на столѣ его уже составилась довольно солидная кучка золота, самымъ жалобнымъ тономъ сказалъ крестьянамъ: „Ужъ только жалѣя васъ, я постараюсь заглу-

шить это дѣло, но смотрите никому ни гугу про эту березу, а то всѣмъ намъ весьма плохо будетъ".

А такъ какъ всѣ лѣсные чины суть воспитанники Лѣсного Института, то у нихъ между собою и обхожденіе товарищеское, не принимая въ расчетъ ни различія ранговъ, ни самаго служебнаго положенія, и поэтому имъ всегда непріятно было, если кто-либо изъ другой среды вторгался въ ихъ сферу и дѣлалъ какія-либо непріятности. И вотъ однажды былъ такой случай, что губернскій лѣсничій, будучи не доволенъ контролёромъ М. И. Ф., за его придирки къ лѣсничимъ при ревизіи шнуровыхъ книгъ, да еще своимъ дѣлопроизводителемъ (эта должность секретарская) Иваномъ Димитріевичемъ Городецкимъ за то, что онъ держалъ себя весьма глубокомысленно, и всегда на его столѣ находилось нѣсколько томовъ законовъ, сидя на своемъ мѣстѣ, и какъ будто бы только самъ про себя, но однакоже во всеобщее услышаніе, обоихъ обрисовалъ такимъ каламбуромъ: „какой-нибудь контролёрикъ на высокинькихъ коблучкахъ вертится, какъ бѣсъ передъ заутренею, или же какой-нибудь секретарь, обложившись кругомъ законами, восѣвастъ: вскую мя отринулъ еси". Контролёръ Ф. былъ дѣйствительно весьма юркій и на все падкій; разговоръ его былъ однотонный, скорый и трещащій, какъ у жаворонка; хватался за разныя дѣла, но скоро оставлялъ ихъ, по неумѣнію ими управиться. Онъ мнилъ себя ученымъ; по физикѣ напримѣръ, самодѣльно устроилъ изъ стекляннаго кувшина съ выбитымъ дномъ и установленномъ на двухъ бутылкахъ, электрическую машину; а по ботаникѣ, развелъ у себя въ комнатахъ цѣлую оранжерею цвѣтовъ, съ ярлыками Латинскихъ названій, стараясь, по свойству ихъ, приспособить къ разной температурѣ, и ставя ихъ то у печей, то на окнахъ, то у стѣнъ. Потомъ бралея управлять духовнымъ хоромъ пѣвчихъ, заводилъ кирпичный заводъ; но все шло безуспѣшно. Въ концѣ-концовъ ему удалось жениться на потомственной дворянкѣ съ приданымъ въ 40 душъ крѣпостныхъ крестьянъ и на управленіе и полное распоряженіе этими крестьянами получить отъ своей жены полную довѣренность. Вотъ тутъ-то онъ и обнаружилъ всю свою удаль и поступилъ въ этомъ дѣлѣ, можно сказать, по варварски, именно тѣмъ, что всѣхъ мужчинъ, годныхъ къ военной службѣ, продалъ въ рекруты (тогда въ рекруты сдавать было можно до 40-лѣтняго возраста). Такимъ образомъ этотъ фиктивный помѣщикъ, уничтоживши въ имѣніи своей жены всѣхъ годныхъ къ труду мужчинъ, заставилъ семьи ихъ терпѣть великую нужду и голодъ. Дѣлопроизводитель же И. Д. Г. совсѣмъ не таковъ, какъ этотъ торопыга контролёръ, а человѣкъ умный и весьма ученый; онъ окончилъ курсъ Духовной Академіи магистромъ и состоялъ довольно долгое время профессоромъ Духовной Семинаріи, поэтому онъ и на службѣ, въ Палатѣ, держалъ себя, по привычкѣ, какъ профессоръ, не стѣсненно, даже съ управляющимъ Палатою всегда объяснялся свободно, нагнувшись и закинувши руки назадъ и разставивши ноги врозь, за что и называли его гордымъ и за это, вѣроятно, онъ дальше дѣлопроизводительской должности VIII класса не до-

стигъ, не смотря на свою ученость и пріобрѣтенное службою потомственное дворянство. Онъ былъ своего рода реформаторъ, именно потому, что когда, съ поступленіемъ на службу въ Палату, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, по своему образованію, онъ получилъ прямо чинъ коллежскаго асессора, тогда онъ началъ ходатайствовать о зачисленіи ему всей его семинарской службы, такъ какъ въ то время всѣ профессора и учителя семинарій не считались на государственной службѣ и чинами не пользовались, а числились всѣ въ духовномъ званіи. Это ходатайство его было уважено, и вмѣстѣ съ этимъ установлена въ семинаріяхъ для всѣхъ наставниковъ государственная служба, съ полученіемъ чиновъ. Съ зачисленіемъ же Ивану Димитріевичу семинарской службы, у него старшинство на чинъ коллежскаго асессора составилось до 1845 года, т. е. когда этотъ чинъ доставлялъ потомственное дворянство, каковое получилъ и Иванъ Дмитріевичъ. Теперь читатель видитъ, что надъ такою личностію, каковая была Ивана Димитріевича, губернскому лѣсничему стыдно бы было ехидно подтрунивать. Аминь!

В. И. Глоріантовъ.

ИЗЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

Это было давно, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, когда граждане Нижняго Новгорода, а также и купечество другихъ городовъ Россійской имперіи, пріѣзжавшее сюда на ярмарку по своимъ торговымъ дѣламъ, считали своею непремѣнною обязанностію побывать во время архіерейскаго богослуженія въ каѳедральномъ соборѣ, чтобы усладиться тѣмъ, поистинѣ, величественнымъ и благоговѣйнымъ зрѣлищемъ, которое проявлялось въ величайшей красотѣ, выполняемое всѣми участвовавшими тогда въ богослуженіи лицами, начиная съ преосвященнаго Іоанна и кончая послѣднимъ псаломщикомъ. И дѣйствительно: каждый изъ совершавшихъ богослуженіе, строгій и серьезный въ исполненіи своей обязанности, тщательно выхоленный и обряженный какъ невѣста, обладая при этомъ величественною осанкою, соединенною съ спокойною и ровною поступью, разсчитанною какъ будто бы по мѣркѣ, все это взятое вмѣстѣ вполнѣ гармонировало съ хорошими голосами въ стройномъ и пріятномъ пѣніи тогдашнихъ пѣвчихъ. Но особенно хорошъ былъ протодіаконъ Іоасафъ Егорычъ, мужчина полный, съ широкою грудью, роста, можно сказать, высокаго, съ величественною осанкою и походкою какъ пава, а голосъ — голосъ просто чудо! густой, органистый, звучный, какъ колоколъ, и ровный во всѣхъ видахъ, начиная съ октавы и кончая самыми высокими нотами. По отзыву знающихъ лицъ не было ему подобныхъ даже во всей Россіи, исключая, разумѣется, императорскихъ придворныхъ. Да великій же онъ былъ искусникъ и въ служеніи, и въ пѣніи; эктенію говорилъ не стѣсненно, спокойно, ровно и четко такъ, что каждое слово его одинаково внятно слышно было какъ стоящимъ у амвона, такъ и у дверей, даже и на волѣ, если двери въ это время были отворены. Но всего лучше читалъ онъ Евангеліе и говорилъ многолѣтіе: четко, толково и ровно, идя къ верху, какъ по ступенямъ, безъ всякаго волненія и оканчивая самыми высокими нотами, чисто и пріятно, безъ всякаго уханья. А какъ, бывало, скажетъ октавой «вонмемъ», точно крупной дробью разсыплетъ по всему собору. Просто удивленіе! Всего же замѣчательнѣе было, когда онъ выполнялъ Православіе, гдѣ и читалъ, и пѣлъ, можно сказать, неподражаемо, а какъ грянетъ своей могучей грудью «анаѳема», точно громомъ ударитъ по всему собору, даже страшно дѣлалось. Это былъ въ полномъ смыслѣ баловень природы изъ числа являющихся на свѣтъ Божій вѣками, и не даромъ его считали всѣ за великаго артиста. Вотъ даже и на мавзолеѣ его надпись, начертанная однимъ изъ заслуженныхъ протоіереевъ

и знаменитыхъ въ то время проповѣдниковъ И. И. Лебедевымъ. «Всѣ дарованія съ жизнію оканчиваются; одна добродѣтель, украшающая человѣка, спокойно препровождаетъ его въ обитель вѣчности».

Іоасафъ Егорычъ и въ буденное время почти не пропускалъ въ соборѣ ни одной службы, и любимымъ его дѣломъ было пѣть на правомъ клиросѣ и притомъ, чтобы одному: онъ не любилъ, чтобы ему мѣшали. Въ то время, впрочемъ, вообще было принято всѣми соборянами, не исключая даже и священниковъ, въ буденное время непремѣнно пѣть на клиросахъ, особенно въ великомъ посту въ преждеосвященныя литургіи. И умилительно же тогда было пѣніе соборянъ, потому что всѣ, какъ наподборъ, были съ хорошими голосами и въ пѣніи большіе искусники; пѣніе же было столповое, т. е. старинное монастырское. Что́ за прелесть бывало, когда Іоасафъ Егорычъ и съ нимъ діаконъ Константинъ Егорычъ, залетный теноръ, да еще человѣка два-три изъ соборянъ, пѣвали въ Страстную Великую Субботу предъ плащаницею «блажени непорочніи», — прочто чудо! Господи Боже мой, говорилъ въ умиленіи сердца регентъ Сергѣй Александрычъ Магницкій, можно ли еще спѣть лучше этого! Самъ же Сергѣй Александрычъ хотя и не изъ капеллы, но, можно сказать, выросъ въ пѣвчихъ и обучался подъ руководствомъ лучшаго въ то время регента, капеллиста Крейсова; поэтому и хоръ свой онъ поставилъ на высоту совершенства такъ, что, во время посѣщенія Н. Новгорода Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, находившійся въ его свитѣ капеллистъ такое высказалъ мнѣніе относительно хора Сергѣя Александрыча, что, посѣтивши семь губерній, лучше здѣшняго пѣнія онъ не встрѣтилъ. Въ свою очередь и Государь высказалъ сожалѣніе о томъ, что протодіаконъ Іоасафъ Егорычъ уже довольно старъ, и поэтому уже не стóитъ его тревожить, чтобы брать въ придворные.

Пѣніе тогда было Бортнянскаго, эфдурное, громкое, и при всемъ этомъ все-таки бывало не услышишь ни фальши какого-либо голоса, ни перебивки и ни того, чтобы одинъ голосъ заглушалъ другой; относительно этого строго слѣдилъ Сергѣй Александрычъ, поэтому въ пѣніи и слышалась только одна прелестная мелодія. Партесное пѣніе въ соборѣ онъ ставилъ не прежде, какъ только убѣдится, что хоръ его выполняетъ извѣстную піесу безъ всякаго, какъ говорится, сучка и задоринки, что́, разумѣется, считается въ пѣніи уже верхомъ совершенства. И сильно же былъ строгъ Сергѣй Александрычъ къ своимъ пѣвчимъ: у него ни одинъ не смѣлъ на клиросѣ ни переминаться съ ноги на ногу, ни разговаривать, тѣмъ болѣе смѣяться или оборачиваться назадъ, а всѣ должны были стоять спокойно. Онъ и самъ все это строго соблюдалъ; даже въ случаѣ неправильности или фальши въ пѣніи, онъ уже дѣлалъ замѣчанія по приходѣ въ архіерейскій домъ, гдѣ въ то время жили и всѣ пѣвчіе, большіе и мальчики. Ты что, Виноградовъ, актеръ что ли — руки въ карманъ, ногу выставилъ впередъ и голову кверху задралъ? Но спѣлъ хорошо. Это замѣчаніе Сергѣй Александрычъ сдѣлалъ своему первому тенору, который, по случаю

даннаго чрезвычайно высокаго тона для пѣнія «покаянія отверзи ми двери», не надѣялся выполнить высокія ноты въ словѣ «студными», почему и принялъ такую позу.

Какъ ни хорошо было пѣніе во время управленія хоромъ Сергѣя Александрыча, но съ прибытіемъ изъ Императорской Капеллы обучавшагося тамъ два года Виктора Побѣдоносцева *), пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ установилось еще лучше и сдѣлалось, можно сказать, неподражаемымъ. Онъ сразу измѣнилъ методу пѣнія, вмѣсто прежняго эф-дурнаго ввелъ це-дурное знаменитаго композитора и капельмейстера Императорской Капеллы Львова. Эта метода въ настоящее время регентами-самоучками изуродована, можно сказать, до неузнаваемости, несмотря на то, что всему церковному пѣнію есть полный печатный обиходъ, составленный Львовымъ. Помнится даже, что со стороны Св. Синода было вмѣнено въ обязанность епархіальныхъ преосвященныхъ эти обиходы выписать для руководства въ своихъ капеллахъ, и чуть ли не тогда же ли имъ было предписано слѣдить, чтобы пѣніе въ церквахъ производилось пѣвчими не иначе, какъ по печатнымъ нотамъ.

И такъ этотъ регентъ Побѣдоносцевъ, будучи ученикомъ Львова, не только что изучилъ, усвоилъ и понялъ всю его композицію, но, можно сказать, до костей проникся и душою его: вотъ до чего хорошо было его пѣніе. Однакоже надобно сказать, что это пѣніе все-таки никоимъ образомъ нельзя сравнивать съ императорскимъ придворнымъ, гдѣ голоса и выполненіе еще много лучше. Мнѣ одинъ разъ только привелось быть на царской панихидѣ въ С.-Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ и слушать пѣніе придворныхъ пѣвчихъ, которое такъ очаровало меня, что даже не находится и словъ, которыми можно бы было высказать всю прелесть его. Самъ же Викторъ Побѣдоносцевъ о капеллѣ придворной отзывался такъ: «я былъ два года въ ней и каждый день находился при ея спѣвкахъ, а что́ слышалъ, то желалъ бы слушать весь свой вѣкъ, и никогда бы не соскучился».

По смерти протодіакона Іоасафа Егорыча, хотя нѣкоторое время и держался въ Нижегородскомъ соборѣ прежній порядокъ, какъ относительно красоты служенія, такъ и пѣнія, но потомъ время отъ времени сталъ приходить въ упадокъ, а почему? Богъ вѣсть! Такое ли время наступило, что трудно подыскать и хорошихъ регентовъ и хорошихъ діаконовъ, или денежныхъ средствъ для этого недоставало, или же, наконецъ, всему этому причиной апатичное отношеніе самихъ преосвященныхъ, которые, можетъ быть, считаютъ совсѣмъ второстепеннымъ дѣломъ имѣть при своемъ богослуженіи хорошихъ діаконовъ и хорошихъ пѣвчихъ, — дескать была бы только теплая и усердная

*) Этотъ Викторъ прежде былъ подрегентомъ у Сергѣя Александрыча. Человѣкъ очень даровитый, выказавшій свои способности, бывши еще исполлатчикомъ, а потомъ по распоряженію преосвященнаго Іакова былъ отправленъ для усовершенствованія въ Императорскую Капеллу, гдѣ и пробылъ два года.

молитва къ Богу. Но какая бы причина ни была этому, все-таки надобно сказать, что хорошее пѣніе и торжественное богослуженіе необходимы даже и въ религіозномъ отношеніи. Не даромъ же еще въ древности у Израильтянъ имѣлась въ храмѣ и вокальная и инструментальная музыка; а въ настоящее время въ католической и лютеранской церквахъ тоже имѣются и органы, и пѣвчіе, отъ чего, естественно, болѣе возбуждаются религіозныя чувства молящихся и болѣе располагаются сердца молитвою къ Богу; при этомъ все вниманіе настроено бываетъ къ одному только чистому, святому, и забываются суеты мірскія со всѣми нуждами и печалями, злобою и ненавистію къ ближнимъ. Пріятно ли въ самомъ дѣлѣ слушать діакона съ телячьимъ мычаніемъ, или пѣвца съ козлинымъ блеяніемъ? Но хуже этого еще слушать такихъ пѣвчихъ, которые и простого-то церковнаго пѣнія складно и съ толкомъ выполнить не умѣютъ, а берутся еще за партесное, отъ чего пѣніе уродуютъ уже до безобразія. Или же какой-нибудь регентъ-самоучка, не довольствуясь печатными нотами, старается еще самъ пофантазировать, т. е. или нѣчто убавить, или же что-нибудь измѣнить, вводя при этомъ неумѣстные и черезчуръ грубые свои мотивы, или же мотивъ какой-нибудь одной шесы, хотя и съ печатныхъ нотъ, примѣняетъ къ другой, не обращая при этомъ вниманія на характеръ этой шесы, къ которой вовсе не идетъ избранный имъ мотивъ. Да объ этомъ онъ и не думаетъ; ему нужно только, чтобы былъ трезвонъ, какъ въ Москвѣ на Ивановской колокольнѣ, а затѣмъ все остальное для него пустяки. Извѣстно, что въ Москвѣ на Ивановской колокольнѣ, по нахожденію колоколовъ въ нѣсколькихъ ярусахъ, трезвонъ бываетъ самый нестройный и представляется звономъ въ разныхъ церквахъ. Далѣе еще скажу то, что иногда такіе регенты цѣликомъ выставляютъ свою композицію, дескать знай нашихъ, или берутъ съ нотъ никогда небывшихъ въ цензурѣ, какихъ-нибудь странствующихъ композиторовъ, въ родѣ Суздальскихъ офеней.

Послѣ Іоасафа Егорыча нѣкоторые изъ послѣдующихъ протодіаконовъ хотя были и не съ очень сильными голосами, но за то мастерски служили и пѣли. Одинъ только діаконъ съ Калмыцкою физіономіею, прозванный «протодіакономъ мясниковъ», производилъ между ними сильный контрастъ своею нелѣпою методою, такъ какъ пѣлъ онъ почти неумѣло, но ектеніи говорилъ четко и, можно даже сказать, что недурно; но за то при чтеніи Евангелія, Апостола и многолѣтія онъ имѣлъ обыкновеніе забираться уже черезчуръ къ верху. Вотъ напримѣръ при архіерейскомъ служеніи онъ читаетъ Апостолъ: началъ довольно низко, но не октавой (у него ея и не было), а потомъ возвышается все сильнѣе и сильнѣе, отъ чего начинаетъ ухать, а все лѣзетъ выше; при этомъ жилы на шеѣ напрыживаются толще пальца и лицо дѣлается краснымъ, какъ точно сейчасъ вышелъ изъ бани, голову къ верху задралъ и глаза на полвершка расширились, а все лѣзетъ и лѣзетъ къ верху, да наконецъ во всю мочь гаркнетъ такъ, какъ будто бы надутый воловій пузырь лопнулъ; даже отъ этого васъ точно морозомъ по кожѣ подернетъ. А мясники Шмелевъ съ Гавріломъ Ива-

нычемъ и съ другими въ компаніи стоятъ вдали и восторгаются. Эхъ, ребята, голосина-то, говоритъ Шмелевъ, словно пушка! Одинъ не изъ ихъ компаніи вздумалъ было высказать имъ свое мнѣніе и отдать при этомъ преимущество протодіакону, но Гаврила Иванычъ прямо ему отвѣтилъ, что ты ничего не понимаешь,—знай, молись только. А потомъ всѣ и начали судить каждый по своему, перебирая при этомъ всѣхъ голосистыхъ діаконовъ, начиная съ протодіакона. Долго они между собою спорили; видимо никто изъ нихъ не желалъ склониться къ чужому мнѣнію, каждый сознавая свое непогрѣшимымъ, и въ концѣ-концовъ порѣшили тѣмъ, что Костю послѣ обѣдни нужно угостить хорошенько, и пошли всѣ изъ собора вонъ. А въ это время Петръ Васильичъ задалъ уже тонъ своимъ пѣвчимъ для начала херувимской пѣсни. Начали пѣть, но для Петра Васильича показалось неладно: одинъ басъ снизилъ, теноръ въ словахъ «тайно образующе» не выждалъ окончанія такты басовой партіи, альтъ діеза не выполнилъ, а дисконтъ, — какъ котенокъ запищалъ. И мечется бѣдный Петръ Васильичъ, какъ угорѣлый, отъ голоса къ голосу, принявъ при этомъ самую недовольную и сердитую физіономію. А вѣдь извѣстно, что при такихъ обстоятельствахъ весь эффектъ теряется въ пѣши; когда видишь, что регентъ мечется изъ стороны въ сторону, значитъ идетъ пѣніе неладно, хотя самъ даже и не замѣчаешь этого.

Сверстники протодіакона Іоасафа Егорыча разсказывали, что онъ когда былъ молодъ, то во время чтенія имъ Евангелія ухо съ клироса не свѣшивай: оглушитъ! А когда Іоасафъ Егорычъ еще былъ въ архіерейскомъ хорѣ пѣвчимъ, то голосъ его въ верхнихъ нотахъ былъ весьма грубъ, тяжелъ и съ уханьемъ; поэтому бывшій въ то время преосвященный Моисей, который, говорятъ, самъ былъ большой артистъ и въ музыкѣ, и въ манерахъ, задумалъ голосъ Іоасафа Егорыча, какъ говорится, отполировать и во всемъ вышколить его самого по своему, подготовляя его такимъ образомъ въ протодіаконы. Онъ училъ его и произношенію словъ, діаконскому пѣнію, походкѣ и наконецъ, какъ кадить. А такъ какъ въ архіерейскомъ домѣ неудобно было заставлять его кричать во всю мочь для полировки голоса, то лѣтомъ онъ заставлялъ его уходить раннимъ утромъ на Воробьевы горы за городъ, что нынѣ въ концѣ Ковалихи близъ Солдатской слободки, гдѣ онъ и разработывалъ свой голосъ сильнымъ крикомъ, слышнымъ даже, бывало, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города.

В. И. Глоріантовъ.

ИЗЪ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мнѣ случилось ѣхать, по служебнымъ дѣламъ, изъ г. Лукоянова въ Нижній Новгородъ. Погода была лѣтняя, теплая, прекрасная. Ямщикъ попался мнѣ молодой крестьянинъ, этакъ лѣтъ подъ 30-ть, который, ради развлеченія себя въ дорогѣ, запасся орѣхами. И вотъ срѣдка, полегоньку, похлыстывая кнутомъ своихъ лошадей, въ тоже время онъ забавлялся и орѣшками, погрызывалъ ихъ, и при этомъ частенько оборачивался ко мнѣ, съ видимымъ намѣреніемъ вступить въ разговоръ. Однако долго не рѣшался онъ приступить къ этому, отъ боязни ли обезпокоить меня или же не придумалъ еще, съ чего начать свой разговоръ; я же съ своей стороны окончательно былъ погруженъ разными мыслями самъ въ себя. Вѣдь извѣстно, что всякій человѣкъ, коль скоро онъ находится наединѣ и не занятъ никакимъ дѣломъ, то въ головѣ его скопляются разныя думы, или о прожитомъ времени и испытанныхъ въ немъ удовольствіи и неудовольствіи, счастіи и несчастіи, или же наконецъ просто развиваются въ головѣ разныя фантазіи и устраиваются воздушные замки. На этотъ разъ я, во время ѣзды, будучи сильно увлеченъ красотою природы, гдѣ все росло, цвѣло и зеленѣло, съ безпрестанно перемѣняющимися передъ глазами ландшафтами, думалъ: Господи Боже мой, если бы у меня были хорошія денежныя средства, то я не сталъ бы скитаться только по одной своей губерніи, но побывалъ бы въ разныхъ мѣстахъ не только Россіи, но даже и за границею. Эти мои думы прервалъ мой ямщикъ тѣмъ, что, захвативши у себя карманѣ цѣлую горсть орѣховъ, предложилъ мнѣ, не желаю ли и я позабавиться отъ нечего дѣлать; «вчера, говоритъ, ребятишки наши ходили въ лѣсъ и много ихъ набрали; нонѣ, слава Богу, ихъ уродилось много». Орѣхи я принялъ, что̀ и подало поводъ моему ямщику вступить со мною въ разговоръ. Онъ оказался весьма словоохотливымъ и въ продолженіе всего пути до слѣдующей станціи (отъ Лукоянова верстахъ въ 25-ти) разсказывалъ мнѣ весьма многое и серьезнаго и смѣшнаго, что̀ я одинаково слушалъ. Да, такъ онъ началъ свой разговоръ, объ этомъ давно писали, но только не знали, что

къ чему это говорилось и когда именно исполнится; а вотъ какъ теперь освободили отъ помѣщиковъ крестьянъ-то, то и сдѣлалось ясно, что это говорилось про нихъ. Есть книга Златоустъ, гдѣ написано такъ: «Посмѣются рабы надъ господами». Вотъ, значитъ, теперь рабы то и смѣются надъ господами; дескать, теперь съ нами ничего не подѣлаете, мы стали вольными. Да и натерпѣлись же мы отъ своихъ господъ! Ухъ, сколько горя испытали! И работой-то насъ донимали, бывало, и праздникъ не въ праздникъ, особливо лѣтомъ,—знай до устали работай, и деньгами-то обирали, а примѣромъ сказать, хоть эти орѣхи, наша барыня приказывала кажинной бабѣ и дѣвкѣ съ 15-ти лѣтъ доставлять ей лѣтомъ по маленкѣ щелученыхъ орѣховъ; гдѣ хошь добывай, а давай; если въ своемъ лѣсу нѣтъ, то ищи гдѣ знаешь; которые потомъ она и отдавала выбивать изъ нихъ масло. А строгости-то, строгости-то какія были, просто бѣда! За всякую пустяшную провинность—смотришь порка, или же прямо въ солдатчину запрячутъ безъ всякой очереди. Да чего! Нашъ баринъ одного мальчишку, лѣтъ 8-ми, на смерть собаками затравилъ, а за что? За то, что тотъ по ребяческой глупости бросилъ въ барскую собаку кампемъ; собака завизжала, а баринъ въ это время былъ у окна, значитъ и увидалъ. И Боже мой, какъ озлобился онъ на мальчишку! Всю дворню поднялъ на ноги и всю свою свору собакъ велѣлъ выпустить и затравить ими мальчика. Кажись, лучше бы было, если бы этого мальчика приказалъ прямо убить, а не мучить такъ долго. Прежде травили мальчика въ рубахѣ, собаки его не брали; тогда баринъ закричалъ: «Раздѣть его догола», и голаго собаки не брали; а потомъ снова со злостію закричалъ ловчему: «Ударить мальчишку сильнѣе арапникомъ». И вотъ уже, когда отъ сильнаго удара арапникомъ выступила на мальчикѣ кровь, тогда всѣ собаки бросились на него и мигомъ разорвали на части».

А ты самъ-то грамотный? спросилъ я. «Нѣтъ, я самъ не грамотный, но у меня мальчишка-сынишка почитываетъ, а я оченно люблю слушать. Да я и самъ-было учился грамотѣ: всю азбуку зубъ-зубомъ прошелъ; прошелъ склады двойные, склады тройные, склады небесные и склады земляные, все зубъ зубомъ прошелъ; но какъ дошелъ до оксія и саваріи, такъ и захлеснуло, и послѣ этого, въ сердцахъ, и азбуку бросилъ подъ столъ; такъ значитъ и остался неграмотнымъ. А училъ было меня нашъ пономарь Кузмичъ, давно ужъ покойникъ, царство ему небесное! Такой строгій былъ, и сильно ужъ онъ меня трепалъ и за волосы, и за уши, а все-таки грамотѣ-то меня не выучилъ».—Да ты бы гражданскую азбуку взялъ, тамъ и буквъ-то меньше и никакихъ оксіевъ и саваріевъ нѣтъ, сказалъ я ему. «Да развѣ есть еще другая азбука?» удивленно онъ спросилъ меня. «А вѣдь Кузмичъ-то все меня

училъ по той азбукѣ, и насчетъ другой азбуки мнѣ ничего не говорилъ».

Ясно, чему могли научить такіе учителя, которые и сами-то были вовсе полуграмотны и могли читать, какъ уже свыкшіеся при церковномъ богослуженіи, одну только Славянскую печать и каракулями подписывать полууставомъ свое имя. Организованныя же школы для крестьянскихъ мальчиковъ тогда существовали только въ нѣкоторыхъ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ; поэтому тѣ крестьяне другихъ селеній, которые желали обучать грамотѣ дѣтей своихъ, по необходимости должны были отдавать или церковнымъ причетникамъ, пономарямъ и дьячкамъ, или вдовымъ попадьямъ, или наконецъ какимъ-либо богомолкамъ, старымъ дѣвамъ, тоже изъ духовнаго званія. Обученіе же производилось тогда въ высшей степени безтолково, безъ всякой тактики и умѣнья возбудить въ мальчикѣ охоту къ ученію, а особенно къ пониманію Славянскихъ названій. Самое же названіе буквъ азбуки такими именами: «азъ, буки, вѣди и т. д.», совершенно не подходитъ къ составленію слоговъ, а потомъ и обученіе складамъ, съ такимъ именно произношеніемъ: «буки аза - ба, вѣди аза - ва, потомъ покой арцы иже ри - при, вѣди арцы и жери - ври», что̀ и назывались складами двойными и тройными. Подъ конецъ слѣдовали склады небесные и склады земляные; это именно тѣ, которые въ азбукѣ были изложены въ алфавитномъ порядкѣ такъ: на букву А - Ангелъ - ангельскій, Архангелъ - архангельскій, на букву Б - Богъ, божество, Богородица, но букву З - земля, змѣя и т. д. На всѣ буквы подведенныя названія, разумѣется, непремѣнно обязывалось выучить на память. А какъ все клонилось къ изученію чтенія по Славянской печати, то ставилось въ непремѣнную обязанность ученикамъ изучить тоже на память и всѣ знаки, употребляемые въ этой печати, каковы суть: оксія, саварія, камора, з-вательцо,—титло, слово титло, срокъ и еще различныя названія. Вотъ при изученіи всѣхъ этихъ названій и захлеснуло моего ямщика, и затѣмъ окончательно отбило у него къ ученію охоту. Нѣкоторые изъ болѣе смышленыхъ учителей не заставляли своихъ учениковъ вбивать всю эту мудрость въ голову, а переходили, послѣ изученія складовъ, прямо къ чтенію Псалтыря, съ такою методою, что прежде начиналась по складамъ и долбилась такимъ образомъ одна каѳизма нѣсколько времени и именно до тѣхъ поръ, покуда ученикъ не изучитъ ея читать безъ складовъ, тогда уже начиналась вторая каѳизма, а затѣмъ и другія по прежней же методѣ и съ непремѣннымъ, чрезъ извѣстное время, повтореніемъ задовъ, т. е. прочитываніемъ прежнихъ каѳизмъ. И такимъ образомъ прочтеніе всего Псалтыря затягивалось не менѣе, какъ на годъ, чѣмъ уже и заканчивалось все

образованіе ученика. Да и такое-то обученіе, какъ извѣстно, получалось, можно сказать, однимъ изъ тысячи человѣкъ, а затѣмъ все остальное наше крестьянство окончательно оставалось совсѣмъ безграмотнымъ.

Въ свою очередь много распространяли въ народѣ разныя нелѣпости тогдашніе отставные солдаты, прослужившіе 25 лѣтъ, которые, преимущественно, всегда разсказывали, что они въ продолженіе своей службы побывали чуть ли не на краю свѣта, исходили, дескать, всю землю изъ конца въ конецъ: были у Турка, у Австріяка и у Нѣмца; все это, по ихъ разсказамъ, народъ дрянной и трусливый, а про себя и вообще про Русскихъ отзывались, разумѣется, съ большою похвалою. Кромѣ того въ ихъ разсказахъ всегда были безсмыслицы и нелѣпости, какъ напримѣръ относительно существованія Кіевскихъ вѣдьмъ, вылетающихъ въ трубу и производящихъ на Лысой горѣ безумныя пляски, а также и о разныхъ оборотняхъ.

Вотъ что разсказывалъ моему ямщику отставной солдатъ, его родственникъ. Всего хуже, говорилъ онъ ему, если кого мать проклянетъ, то ужъ весь вѣкъ будетъ не человѣкъ, а какой нибудь оборотень. У ихняго ротнаго командира горничную прокляла мать, и что же, вѣдь въ птичку обратилась, и она кажинный день къ окну ротнаго прилетала, гдѣ ее всѣ знали и давали ей клевать сѣмечка и попить водички. Долго она къ нему летала, но потомъ ротнаго этого изъ ихъ полка перевели въ другой полкъ, и летала ли къ нему тамъ эта птичка, уже стало неизвѣстнымъ. А вотъ еще двоихъ солдатиковъ ихняго полка матери прокляли, такъ одинъ изъ нихъ обратился въ волка, а другой въ лошадь. Волкъ же кажинный день, какъ начинало смеркаться, ходилъ къ нимъ въ казармы, и они прямо называли его по солдатской фамиліи Назаровымъ; кто кинетъ ему косточку, а кто и кусочекъ хлѣбца дастъ, и онъ поѣвши уходилъ до слѣдующаго вечера. Долго онъ къ нимъ ходилъ въ казармы, но наконецъ вышелъ такой несчастный случай. На часахъ у казармъ стоялъ новобранецъ, и онъ не былъ предупрежденъ относительно волка, и вотъ когда волкъ вечеромъ, по обыкновенію, подходилъ къ казармамъ, новобранецъ прицѣлился и бацъ въ него изъ ружья, и волкъ передъ смертью успѣлъ лишь только сказать человѣческимъ голосомъ: «что ты сдѣлалъ, вѣдь ты сгубилъ христіанскую душу». А съ лошадью-то, въ которую обратился солдатикъ-то, былъ такой случай. Хозяинъ ея былъ на базарѣ, отъ своего села верстъ за 10-ть, и вѣстимо, что съ базара всегда ужъ возвращаются домой выпивши, и вотъ, ѣхавши домой, онъ въ телѣгѣ заснулъ, а въ просонкахъ слышитъ, что телѣга его то двинется немного, то опять остановится. Думаетъ, что за оказія такая! А глядь лошади-то и нѣтъ, а въ оглобляхъ стоитъ солдатъ и говоритъ ему:

«что, хозяинъ, удивляешься, вѣдь до прежде меня мать прокляла, я и былъ твоей лошадью, а теперь мать сжалилась и проклятіе съ меня сняла, и я опять сталъ солдатомъ. Такъ неужели ты и теперь меня будешь мучить и на мнѣ работать, вѣдь сила-то у меня теперь не лошадиная, а человѣчья, и мнѣ ужъ будетъ не вмоготу тебѣ работать». Жаль мнѣ тебя, сказалъ мужичекъ, была ты хорошая, работящая лошадь; но теперь нечего дѣлать, уходи съ Богомъ. Однакоже мужичку нельзя было оставаться безъ лошади, и онъ въ слѣдующій же базаръ долженъ былъ опять быть тамъ для того, чтобы купить для себя другую лошадь. И великое же для него было удивленіе, когда онъ встрѣтилъ на базарѣ продающуюся точь въ точь его бывшую лошадь, и мастъ та, и грива на туже сторону, и на лбу бѣлая звѣздочка; да и сама лошадь-то узнала его, протянувши къ нему свою морду, словно поцѣлуемъ съ нимъ поздороваться захотѣла. Мужичокъ сильно обрадовался, что это его прежняя лошадь, и тихонько сказалъ ей на ухо: «или тебя опять мать-то прокляла?», а затѣмъ, вовсе не торговавшись въ цѣнѣ, пріобрѣлъ для себя эту лошадь, которая цотомъ была уже у него до самаго конца, отъ старости издохла. Послѣ этого разсказа мой ямщикъ еще далъ мнѣ гость орѣховъ, и потомъ снова продолжалъ слышанный отъ своего родственника-солдата разсказъ.

«А вотъ все, что говорятъ про вѣдьмъ, это сущая правда. Солдатъ-то нашъ самъ чуть было не попалъ къ одной въ ея зубы, такимъ манеромъ. Будучи въ Кіевѣ, онъ въ праздникъ отпросился у ротнаго погулять по городу. Былъ на Подолѣ, былъ у памятника Князя Владимира, былъ и въ монастырѣ у святыхъ угодниковъ, а потомъ попалъ на самый выходъ изъ города. Смотрю, говоритъ, въ отдаленіи стоитъ такая невзрачная хибарка, и подумалъ, дай пійду въ нее закурить трубочку, потому что по уходѣ изъ казармъ, онъ второпяхъ позабылъ захватить съ собою огниву и трутъ. Входитъ въ избушку, въ ней никого нѣтъ, но все въ порядкѣ, даже и печка истоплена и горячіе угли загреблены въ горнушку на шесткѣ; взялъ одинъ уголекъ и закурилъ трубку, и видитъ на полкѣ возлѣ печи бутылочку съ какимъ-то составомъ, взялъ ее, чтобы ототкнуть и понюхать чѣмъ пахнетъ, но въ это время нечаянно изъ бутылочки плеснулъ на ухватъ,— смотритъ ухватъ шмыгъ въ трубу. Что за оказія подумалъ онъ? Плеснулъ еще на кочергу и сковородникъ, и они улетѣли въ трубу; потомъ плеснулъ на пустой горшокъ, и онъ туда же, но только ударившись объ кирпичи разбился и черепки попадали обратно на шестокъ. Хотѣлъ было и себя спрыснуть этимъ составомъ, чтобы узнать куда улетѣлъ весь этотъ печной инструментъ, но поопасался, чтобы не застрять въ трубѣ, потому что солдатъ-то былъ очень большого роста.

По возвращеніи въ казармы, онъ обо всемъ этомъ разсказалъ своимъ солдатикамъ. Ну, сказали они ему: Богъ тебя спасъ; ты, дескать, попалъ къ самой-то злющей вѣдьмѣ, которая, если бы тебя застала, не быть бы тебѣ въ живыхъ, на смерть зубами бы загрызла.

Да, это было время, когда крестьянство наше, по своей неразвитости, давало вѣру всякой нелѣпости, отъ чего даже и до сихъ поръ существуетъ множество разсказовъ о домовыхъ, о лѣшихъ и другихъ подобныхъ нелѣпостяхъ. Въ тоже давнее время крестьяне наши сильно были запуганы какъ со стороны помѣщиковъ, такъ и со стороны различныхъ властей. Всякаго, не изъ своей среды, они если и не сознавали своимъ начальникомъ, то по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ собою, считали его совершенно сверхъестественнымъ человѣкомъ. Напримѣръ, мужичокъ, прибывъ въ городъ, и по улицѣ-то шелъ робко не смѣло, зная то, что въ городѣ-то и находится все его начальство, которое за всякій маловажный проступокъ можетъ причинить ему большую непріятность; поэтому почти каждому встрѣчному онъ дѣлалъ поклонъ, а съ заговорившимъ съ нимъ тотчасъ же снималъ съ себя и шапку, оставаясь въ такомъ положеніи до самаго окончанія разговора. И Боже мой, что же только съ этимъ народомъ не дѣлало начальство, просто ужасъ! И безпощадно его тиранили, и безжалостно обирали. Если по какому либо случаю пріѣзжало начальство въ селеніе, то это было для крестьянъ не лучше, чѣмъ отъ пожара, налета саранчи, или же какой либо эпизоотіи. Напримѣръ, если на поляхъ извѣстнаго селенія обнаружено мертвое тѣло, тогда, для вскрытія его и для производства слѣдствія, наѣзжала изъ города цѣлая армія начальства, а именно: исправникъ, уѣздный судья, дворянскіе засѣдатели, становой приставъ, докторъ, фельдшеръ, секретари и письмоводители, разные депутаты, наконецъ даже и поваръ, такъ какъ слѣдствіе иногда затягивалось сутокъ до трехъ, поэтому вся эта знать не могла довольствоваться крестьянскимъ кушаньемъ, и слѣдовательно необходимъ былъ поваръ; припасы же, разумѣется, всѣ шли на счетъ крестьянскаго общества, и такимъ образомъ уничтожались въ громадномъ количествѣ куры, яйца, масло, бараны и водка; а чего для кулинарнаго дѣла еще не хватало въ селѣ, тогда тотчасъ же посылался нарочный въ городъ, хотя бы онъ находился отъ селенія и на большомъ разстояніи. Точно также поступалось и въ томъ случаѣ, если у кого изъ господъ недоставало, напримѣръ, табаку, или же что либо было позабыто дома при отъѣздѣ на слѣдствіе. Вся эта чиновная армія не много занималась дѣломъ, для котораго прибыла въ селеніе, а преимущественно, употребляла время на ѣду и выпивку. У нихъ вовсе не было заботы о томъ, что въ лѣтнее жаркое время находившееся въ полѣ мертвое тѣло разлагается

и своими міазмами заражаетъ воздухъ, и многіе крестьяне отвлекаются отъ полевыхъ работъ. Они съ самаго ранняго утра, какъ только просыпались и лежа еще на постели, составляли уже общій совѣтъ относительно того, что въ нынѣшній день нужно покушать. Одинъ сказалъ то, другой—другое, а все выходило не ладно; наконецъ однимъ было предложено, что хорошо бы было устроить изъ бараньихъ языковъ холодное со сметаною и хрѣномъ; знаете, говорилъ онъ, при выпивкѣ-то хрѣнъ-то очень пріятенъ. Прекрасно! Прекрасно! всѣ закричали въ одинъ голосъ. Значитъ, сказано и сдѣлано. Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, бывшій при этомъ слѣдствіи въ качествѣ депутата, разсказывалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ означеннаго совѣта, онъ вышелъ подъ навѣсъ и видитъ тамъ множество заколотыхъ куръ и десятка два барановъ. Съ удивленіемъ спрашиваю повара, что неужели такая прорва барановъ все это для насъ? И онъ, съ усмѣшкою, отвѣтилъ: «что такъ точно, потому что приказано изготовить, между прочимъ, холодное изъ бараньихъ языковъ съ хрѣномъ, а всѣхъ-то господъ человѣкъ 15-ть, поэтому и сосчитайте, сколько нужно зарѣзать барановъ, чтобы досталось каждому хотя по одному языку; а вѣдь Ник. Григ. Тр—ну, пожалуй, и одному мало десятка». Этотъ Николай Григорьичъ былъ становой приставъ весьма большого роста и чрезвычайно толстый, вѣсившій пудовъ 12-ть. Про него разсказывали, что онъ въ одинъ присѣстъ съѣдалъ цѣлаго барана и выпивалъ четверть ведра водки. Губернатору Бутурлину какимъ-то путемъ попался въ руки счетъ, въ которомъ значилось, что этотъ становой приставъ, будучи въ одномъ селѣ на слѣдствіи, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, съѣлъ неимовѣрное количество куръ и барановъ и выпилъ множество водки. Губернаторъ, никогда еще не видавшій Тр—на, удивился и сказалъ: не можетъ быть, чтобы одинъ человѣкъ, въ продолженіе, сравнительно, не очень многихъ дней, могъ уничтожить такое количество припасовъ. Можно предположить, что въ счетѣ сдѣлано нѣкоторое преувеличеніе, съ корыстною цѣлію составителя счета, потому что извѣстно, что и псы ѣдятъ отъ крупицъ, падающихъ съ трапезы господей своихъ; но во всякомъ случаѣ, противъ дѣйствительности, не вдвое же увеличенъ счетъ; поэтому губернаторъ, для собственнаго убѣжденія, приказалъ вызвать этого станового пристава, подъ предлогомъ объясненій по дѣламъ службы. Получивъ такой приказъ, приставъ сильно струсилъ; дескать, не дошли ли до губернатора слухи о его сильныхъ истязаніяхъ и непомѣрныхъ взяткахъ; однакоже, при самомъ представленіи, объ этомъ ему не было сказано ни слова, а только, какъ онъ предсталъ предъ губернаторомъ, тотъ прежде всего окинулъ его съ головы до ногъ своимъ взоромъ, а потомъ обошелъ кругомъ, взглянулъ на него также и сзади, и затѣмъ ска-

залъ: «ну теперь вѣрю, ступайте». Такой пріемъ губернатора окончательно поставилъ въ тупикъ станового пристава, и онъ самъ себя спрашивалъ: по какимъ же служебнымъ дѣламъ и для кихъ объясненій онъ, губернаторъ, вызывалъ его? Всю же сущность дѣла ему уже пришлось узнать послѣ отъ правителя канцеляріи губернатора. Этотъ становой приставъ считался грозою въ своемъ станѣ, его боялись больше чѣмъ исправника, или даже самого губернатора, потому во 1-хъ, что если онъ своею медвѣжьею лапою кого ударитъ по скулѣ (до чего онъ былъ охотникъ), то знай, что во рту не досчитаешься послѣ многихъ зубовъ; а во 2-хъ онъ былъ страшный взяточникъ и съ этою цѣлію ко всякой мелочи сильно придирался. Вотъ, напримѣръ, былъ одинъ такой случай, что въ одномъ селѣ ему какъ-то не удалось къ чему придраться; но по выѣздѣ изъ него онъ замѣтилъ, что у самой околицы росло дерево, и онъ приказалъ это дерево непремѣнно срубить, что оно, дескать, можетъ мѣшать проѣзду. По отъѣздѣ его крестьяне собрали сходъ и начали судить и такъ и сякъ, и въ концѣ концовъ порѣшили, что дерево никакой помѣхи для проѣзда сдѣлать не можетъ, а напротивъ, своею зеленью проѣзжающимъ даже доставляетъ красоту, и поэтому порѣшили дерево не срубать. Такое рѣшеніе и нужно было становому, потому что дало ему поводъ, въ слѣдующій пріѣздъ въ это село, прежде сильно накричать и застращать крестьянъ и острогомъ и Сибирью, а потомъ, разумѣется, получить откупъ деньгами.

Этотъ становой приставъ, хотя въ своемъ станѣ и считался великимъ страшилищемъ, но когда ему приводилось быть на слѣдствіи вмѣстѣ съ другими чиновниками, то всѣ надъ нимъ, за его неуклюжесть и обжорство, сильно подтрунивали. Случилось однажды, что изъ его мундира и штановъ они устроили чучелу, которую и поставили у двери той комнаты, въ которую, по пріѣздѣ, онъ долженъ былъ входить. Разсказывали, что, при устройствѣ этой чучелы, потребовалось всыпать въ его штаны гороху не менѣе одной осьмины.

Случайно попался мнѣ въ руки въ архивѣ Губернскаго Правленія рапортъ станового пристава Горбатовскаго уѣзда С., который можно представить какъ за образецъ витейства и краснорѣчія тогдашняго времени. Губернскому Правленію рапортовалось такъ: «Открыто мертвое тѣло, неизвѣстно кому принадлежащее; голова пробита дубиною осиноваго свойства, лежащею поперекъ тѣла». По всему вѣроятію это витійство есть продуктъ письмоводителя, а становой приставъ, находясь въ сильномъ чаду отъ сельской атмосферы, подписалъ рапортъ смаху, его не читавши.

В. И. Глоріантовъ.

Нижній Новгородъ.

ВОСПОМИНАНІЯ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

По великому милосердію Божію я удостоился достигнуть семидесятипяти-лѣтняго возраста и быть свидѣтелемъ всѣхъ, послѣдовавшихъ въ продолженіе моей жизни, измѣненій, какъ относительно экономической, такъ и политической жизни Россіи. Мало того, что и въ климатическихъ условіяхъ много произошло измѣненій противъ прежняго времени, сколько людей разнаго званія и состоянія, сдѣлавшихся для меня, по какимъ либо обстоятельствамъ, болѣе другихъ замѣчательными, таковыхъ всѣхъ и не перечтешь.

Первоначальная моя жизнь была во время существованія крѣпостнаго права, когда въ Россіи общественная образованность находилась, можно сказать, лишь въ младенческомъ состояніи. Фабрикъ и промышленныхъ заведеній было очень немного; не было ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни въ достаточномъ количествѣ школъ, по этому и обученіе юношества шло весьма туго, и то, преимущественно только, въ дворянскомъ и духовномъ сословіяхъ. Сословія же купеческое, мѣщанское и крестьянское, за немногими исключеніями, окончательно оставались безъ всякаго образованія, вслѣдствіе чего и царили вездѣ и во всемъ грубость и невѣжество. Напримѣръ въ мануфактурныхъ лавкахъ, гдѣ былъ обычай за все запрашивать цѣну въ три-дорога, если покупатель не сошелся въ цѣнѣ и уходилъ изъ лавки, ничего не купивши, его осмѣивали и сопровождали самыми грубыми и обидными словами; а покупателей-малолѣтковъ, въ этомъ случаѣ, иногда даже безцеремонно таскали и за волосы, съ такими именно словами: „Вшивый несъ съ грошомъ лѣзетъ дорогую вещь покупать“. Въ свою очередь и тогдашніе помѣщики, занимавшіе, преимущественно на государственной службѣ высшія должности, и какъ привыкшіе грубо и дерзко обращаться съ своими крѣпостными крестьянами, точно также поступали и на службѣ съ лицами имъ подчиненными, состоявшими, какъ извѣстно, преимущественно изъ духовнаго званія. Для этихъ лицъ отъ дворянъ существовали даже особо-ругательскія названія „кутейникъ и дурья порода“, не смотря на то, что эти лица и составляли тогда движущую машину во всемъ служебномъ механизмѣ, самые же начальники-помѣщики занимались тѣмъ, что подписывали изготовленныя и обработанныя въ канцеляріи бумаги. Извѣстно, что помѣщики и компанію вели только между собою, а другихъ сословій всегда сторонились и, можно сказать, даже презирали. Да, дворяне

тогдашняго времени были самые счастливѣйшіе люди въ Россіи. Они пользовались отъ всѣхъ великимъ почётомъ и вліяніемъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ все совершалось по ихъ произволу къ поступленію ихъ на государственную службу влекла не нужда въ денежныхъ средствахъ, а тщеславіе и охота къ пріобрѣтенію чиновъ и орденовъ. Тѣже помѣщики, которые не были заняты службою, вели жизнь въ высшей степени праздную и неодобрительную. По своей лѣности, они окончательно сдѣлались апатичными ко всему просвѣщенному и полезному, гонялись за зайцами, выступали на медвѣдей, а за тѣмъ вели между собою веселыя компаніи. А были еще своего рода и большіе чудаки-помѣщики; такъ напримѣръ одинъ мнѣ извѣстный, по имени Николай Петровичъ Пол—въ. Если по какому либо случаю долго не удавалось ему гостей принимать къ себѣ и самому быть въ гостяхъ, тогда онъ у себя дома устраивалъ фантастическую компанію, по такой методѣ, что предварительно приказавши прислугѣ подготовить на столахъ въ разныхъ комнатахъ выпивки и закуски, потомъ садился въ волтеровскія кресла на колесахъ и приказывалъ везти себя въ первую комнату, въ которой онъ представлялъ, что прибылъ къ своему сосѣду-помѣщику такому-то, гдѣ одинъ на единѣ и велъ разговоръ, давая самъ и вопросы и отвѣты, а также и предложеніе выпить и закусить. И такимъ образомъ выпивши въ этой комнатѣ и распростившись съ импровизированнымъ хозяиномъ, переѣзжалъ онъ въ послѣдующія комнаты, гдѣ въ каждой изъ нихъ продѣлывалъ тоже самое какъ и въ первой, только съ перемѣною названій хозяевъ, а въ концѣ-концовъ въ послѣдней комнатѣ дѣлался уже сильно пьянъ и, откинувшись на спинку кресла, засыпалъ богатырскимъ сномъ. Болѣе же зажиточные помѣщики проживали въ столицахъ, а больше за границею, и преимущественно, во Франціи, гдѣ изъ тщеславія безжалостно расточали свое состояніе, доставленное имъ тяжелымъ трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ. Во время своего пребыванія за границею помѣщики усваивали себѣ всѣ обычаи и манеры тамошней аристократіи, а также въ совершенствѣ и изучали Французскій языкъ, на которомъ, вообще обязательно, всегда объяснялись и въ своихъ семействахъ, и во всѣхъ компаніяхъ, даже и переписку между собою вели на этомъ же языкѣ, окончательно пренебрегая Русскимъ, считая таковой языкомъ холопскимъ. Изойдите изъ конца въ конецъ всю землю, и не найдется ни одной націи, которая бы такъ пренебрегала своимъ роднымъ языкомъ.

А вотъ съ какою грустію, можно сказать, приходится вспоминать былую жизнь въ Россіи податныхъ сословій, т. е. крестьянъ и мѣщанъ. Вѣдь извѣстно, что всѣ государственныя тягости они только одни выносили на своихъ плечахъ, именно: платили подати, отправляли рекрутскую повинность и другія разныя натуральныя повинности, и въ тоже время постоянно были тѣснимы и обираемы разными властями. Для нихъ и наказанія за разныя преступленія полагались закономъ весьма жестокія, именно: розги, плети и шпицрутены. Два раза въ своей жизни мнѣ привелось видѣть эти наказанія, и не дай Богъ еще увидать что либо подобное. Наказывали пятерыхъ

солдатъ-дезертировъ шпицрутенами, проводя ихъ сквозь цѣлый баталіонъ, разставленный въ два ряда, и въ тоже время еще четырнадцать солдатъ наказывали розгами въ такихъ размѣрахъ, какъ это видно было изъ сдѣланныхъ на сапогахъ мѣломъ надписей: кому 300, кому 500 и включительно даже до 900 ударовъ. Это вѣдь ужасно, и главное удивительно то, что все-таки послѣ такого сильнаго истязанія остались люди живыми. А второй случай былъ тотъ, что наказывали плетьми двухъ женщинъ изъ содержавшихся въ рабочемъ домѣ, которыми была зарѣзана смотрительница этого дома и которымъ присуждено было одной 85, а другой 90 ударовъ. Эти несчастныя послѣ перваго удара только сильно взвизгнули, а потомъ до самаго конца отъ нихъ не было слышно никакого голоса, а только по окончаніи наказанія, когда привязанныхъ къ скамьѣ палачъ поднялъ къ верху и началъ клеймить имъ лица, тогда онѣ снова жалобно застонали. Да, это было жестокое время для податнаго сословія, и однакоже къ чести его надо вспомнить, что все это переносилось, можно сказать, безропотно, не проявлялось никакихъ смутъ, и вполнѣ во всемъ было подчиненіе властямъ. Вообще надобно сказать, что тогдашніе крестьяне, въ нравственномъ отношеніи, стояли несравненно выше, чѣмъ въ настоящее время. Огульнаго пьянства между ними тогда почти было мало, а производилась попойка только въ исключительныхъ случаяхъ, преимущественно на свадьбахъ, въ Пасху и въ храмовые праздники. А затѣмъ богобоязливость и уваженіе старшихъ считалось непремѣннымъ условіемъ. Никогда мною не было замѣчено, чтобы младшіе выказывали старикамъ, и особенно дѣти своимъ родителямъ, въ чемъ бы то ни было, своеволіе или ослушаніе, они всегда безпрекословно подчинялись ихъ волѣ, не потому, что будто бы знали пятую заповѣдь относительно почитанія родителей, или слова апостольскія „предъ лицомъ сѣдаго возстани“ и „почти лицо старче“, а потому, что въ то время вообще во всѣхъ сословіяхъ признавалось это необходимѣйшимъ условіемъ для общественнаго порядка и семейнаго благополучія. Тогда напримѣръ и на сельскихъ сходахъ у государственныхъ крестьянъ прямо говорилось такъ: „что̀ скажутъ старики, то и будетъ го̀же“. А на семейныхъ обѣдахъ, которые мнѣ нѣсколько разъ приводилось видѣть, всегда царили въ высшей степени скромность и благоговѣніе; все шло спокойно и молча, а если изъ малыхъ дѣтишекъ кто закапризничаетъ или зашалитъ, тогда старикъ, засѣдающій впереди, безъ всякихъ словъ, только постучитъ по столу ложкою, и мгновенно снова возстановляется тишина. Семейства крестьянскія тогда преимущественно были многолюдные, потому что, при строгомъ подчиненіи младшихъ старшимъ, раздѣловъ почти вовсе не существовало, и такимъ образомъ не было рѣдкостью встрѣтить живущими въ одной семьѣ прадѣдовъ съ правнучатами. Изъ отхожихъ промысловъ самый распространенный тогда былъ бурлацкій, уносившій много человѣческихъ жизней, по случаю весьма изнурительнаго труда и въ осеннее время простуды, такъ какъ бурлакамъ очень часто приводилось тянуть суда лямкою, идя по водѣ чуть не по самое горло. По городамъ же отхожихъ промысловъ было очень немного, слѣдо-

вательно и городская жизнь, съ разными соблазнами, для крестьянъ вовсе не была извѣстна; поэтому и благосостояніе ихъ было, можно сказать, болѣе удовлетворительное, чѣмъ въ настоящее время. Не было также и аграрнаго вопроса, такъ какъ въ пользованіи государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ въ то время находилось земли не менѣе 6-ти десятинъ на душу. Къ тому же мнѣ вовсе не помнится сильныхъ неурожайныхъ годовъ, и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ мнѣ даже приводилось видѣть скирды съ хлѣбомъ, стоявшіе на гумнахъ не обмолоченными года по два-по три. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ крестьяне нѣкоторыхъ селеній даже допускали для себя своего рода роскошь въ томъ, что нерѣдко, и особенно къ свадьбамъ, къ Пасхѣ и къ храмовымъ праздникамъ, варили пиво на своихъ пивоварняхъ, такъ какъ при существованіи тогда откуповъ никому не было запрещенія это дѣлать, только разумѣется для своего собственнаго употребленія. Въ этихъ случаяхъ я вообще разумѣю здѣсь крестьянъ только государственныхъ и удѣльныхъ; относительно же помѣщичьихъ крестьянъ я долженъ сказать, что благосостояніе ихъ всецѣло зависило отъ нравственныхъ и сердечныхъ качествъ помѣщиковъ или ихъ управляющихъ, такъ какъ извѣстно, что крестьяне эти сами по себѣ никакихъ гражданскихъ правъ тогда не имѣли.

Въ духовномъ вѣдомствѣ тогда осуществлялась реформа относительно того, что въ священники обязательно ставились лица, получившія богословское образованіе; нигдѣ же не обучавшимся старикамъ-священникамъ Святѣйшимъ Синодомъ было вмѣнено въ обязанность непремѣнно изучать краткій катихизисъ съ тою цѣлію, чтобы они, хотя мало-мальски, усвоили себѣ понятіе о законѣ Божіемъ. Однакоже такая мѣра вовсе не достигала цѣли. Гдѣ же, на самомъ дѣлѣ, сельскому священнику, занятому по приходу требами и въ тоже время исполняющему для себя и всѣ сельскія работы, заниматься на старости лѣтъ еще изученіемъ катихизиса? И вотъ одинъ изъ такихъ священниковъ, на сдѣланный ему архіереемъ вопросъ изъ краткаго катихизиса отвѣтилъ ему откровенно и самымъ невиннымъ образомъ такъ: „не знаю, ваше преосвященство; а вотъ у насъ въ семинаріи учатъ, такъ тамъ знаютъ“. Архіерей разсмѣялся на такія простодушныя слова священника и сказалъ ему: „ну, старикъ, доживай ужъ тутъ спокойно вѣкъ“. Въ свою очередь я такихъ священниковъ встрѣчалъ уже тогда очень мало; они оставались только въ самыхъ бѣдныхъ приходахъ и отъ своихъ прихожанъ-крестьянъ отличались только длинными волосами, да еще тѣмъ, что носили рубахи не пестрыя, какъ у крестьянъ, а бѣлыя холщевыя. Все это были люди весьма скромные, тихіе и въ высшей степени добродушные, за что и пользовались неограниченною любовію прихожанъ. По своимъ ли старческимъ немощамъ, по разсѣянности ли, или отъ того, что въ продолженіе пятидесяти и болѣе лѣтъ, дѣлая все одно и тоже, они уже наконецъ наскучили въ точности исполнять свои служебныя отправленія, поэтому и производили ихъ уже, такъ сказать, шаля-вали, съ большими пропусками, такъ какъ по своей простотѣ и незнанію ни каноническихъ, ни догмати-

ческихъ правилъ, они не сознавали и важности своихъ священническихъ обязанностей, а слѣдовательно и дѣлаемые означенные поступки вовсе не считали для себя преступленіемъ. А что, батюшка, развѣ не будемъ ходить вокругъ купели? однажды сдѣлала такой вопросъ бабушка-повитуха старику-священнику во время крещенія младенца. Да развѣ не ходили, свѣтъ? сказалъ священникъ. Да нѣтъ, батюшка. Ну, давайте походимте, нисколько не смущаясь, сказалъ священникъ, и при этомъ, снятую было уже съ себя ризу снова надѣлъ и повелъ кума съ кумой и бабку съ младенцемъ вокругъ купели, добросердечно произнося положенныя при этомъ слова: „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся, аллилуйя". „Ну вотъ, бабушка, и походили, сказалъ священникъ, поздравляю тебя съ новокрещеннымъ", и при этомъ благословилъ и младенца.

А вотъ три духовныя личности, сдѣлавшіяся мнѣ извѣстными съ самаго моего ребяческаго возраста и относительно которыхъ даже до сихъ поръ сохранилось въ душѣ моей глубочайшее уваженіе. Первая личность, это Лукояновскій протоіерей, магистръ Духовной Академіи Ефимъ Ивановичъ Лебедевъ, вторая—священникъ села Стараго Иванцева Николай Алексѣевичъ Лебединскій (онъ былъ и моимъ отцомъ крестнымъ) и третья личность священникъ же села Кудеярова Семенъ Ивановичъ Покровскій. Это были люди чрезвычайно умные, добрые и въ высшей степени симпатичные, составлявшіе одну сплоченную компанію, къ которой принадлежалъ и мой родитель, священникъ с. Мамлѣева, Иванъ Алексѣевичъ Колосовъ. Къ тому же они всѣ четверо состояли членами Лукояновскаго Духовнаго Правленія. И такимъ образомъ, кромѣ почти постояннаго общенія между собою по службѣ, они еще очень часто ходили другъ къ другу въ гости. Пріятно было смотрѣть на эту компанію, въ которой не было ни чрезмѣрной выпивки, ни споровъ, ни противорѣчій другъ другу, и все шло тихо, спокойно и въ высшей степени дружелюбно. Изъ нихъ по общежитію болѣе всѣхъ замѣчателенъ мой крестный отецъ Н. А. Лебединскій. Окончивъ курсъ семинаріи первымъ ученикомъ, онъ намѣревался было продолжать ученіе и поступить въ Духовную Академію; однакоже судьба указала ему другой путь. Графъ Протасовъ, бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ Св. Синода, а также и помѣщикомъ с. Стараго Иванцева, просилъ Нижегородскаго преосвященнаго Моисея назначить въ означенное его село на открывшуюся вакансію священника самаго лучшаго студента семинаріи, поэтому именно и палъ жребій на моего крёстнаго. Доводы его, что онъ желаетъ продолжать ученіе и поступить въ Духовную Академію, не имѣли успѣха предъ архіереемъ, который прямо доказывалъ ему, что въ этомъ селѣ онъ всегда будетъ находиться подъ сильнымъ покровительствомъ графа Протасова, и что будетъ ему тутъ весьма хорошо. Село Иванцево населено Мордвою, а Мордва, какъ извѣстно, по своей природѣ, народъ самый простой и весьма добродушный.

Когда я былъ еще ребенкомъ, для меня была великая радость, когда родители мои, собравшись ѣхать къ моему крёстному въ гости, брали съ

собою и меня. Тамъ для меня все было хорошо и въ высшей степени завлекательно. Даже при самомъ въѣздѣ въ с. Иванцево мое ребяческое воображеніе сильно поражалось прежде всего величественнымъ и нигдѣ мною еще не виданнымъ явленіемъ того, что у самой околицы находились съ обѣихъ сторонъ два большихъ конусо-образныхъ каменныхъ столба, съ свѣтлыми мѣдными на нихъ плитами, на которыхъ были изображены гербы графа Протасова, а потомъ и самый домъ крёстнаго, который былъ устроенъ чисто по-барски, довольно обширный, съ мезониномъ и съ четырьмя колонами снаружи; даже и кухня не находилась въ этомъ домѣ, а была, какъ у помѣщиковъ, въ отдѣльномъ строеніи на дворѣ. При домѣ былъ обширный фруктовый садъ, въ которомъ находилось множество ульевъ со пчелами. Хозяйство велось въ высшей степени умѣло и, можно даже сказать, образцово; вездѣ чистота и опрятность, и въ тоже время во всемъ великое изобиліе, какъ напримѣръ, меду, моченыхъ яблоковъ, брусники и разныхъ сортовъ соленыхъ грибовъ, набранныхъ своими трудами въ графскомъ лѣсу, былъ запасъ на цѣлый годъ. Однимъ словомъ, какъ говорится, во всемъ была полная чаша. Такою жизнію моего крёстнаго, пожалуй, могъ бы позавидовать любой священникъ изъ губернскаго города. Матушку-попадью, жену крёстнаго, я уже въ живыхъ не засталъ; все же хозяйство въ домѣ вели родныя сестры крёстнаго, двѣ пожилыя дѣвицы. Онѣ обѣ были очень трудолюбивы.

Въ 1835 г. преосвященный Іоаннъ былъ перемѣщенъ изъ Пензы на Нижегородскую каѳедру. Переѣздъ его на новое мѣсто долженъ былъ совершиться чрезъ городъ Лукояновъ, гдѣ еще до того извѣстно было, что преосвященный Іоаннъ Нижегородецъ, сынъ священника с. Кандрыкина, Лукояновскаго уѣзда, въ мірѣ называвшійся Михаиломъ, по фамиліи Доброзраковымъ; поэтому всѣ и ожидали его пріѣзда съ большимъ нетерпѣніемъ. Къ тому же еще изъ числа членовъ Лукояновскаго Духовнаго Правленія были его товарищами: Лебединскій по Нижегородской Духовной Семинаріи, а протоіерей Е. И. Лебедевъ по Духовной Академіи. Преосвященный Іоаннъ, встрѣтившись съ своими товарищами, задушевно и крѣпко нѣсколько разъ съ ними разцѣловался; оказалъ великое благоволеніе и остальнымъ двоимъ членамъ Правленія, т. е. моему родителю И. А. Колосову и Кудеяровскому священнику С. И. Покровскому. Однакоже по случаю поздняго пріѣзда въ г. Лукояновъ и сильнаго въ дорогѣ устатка, преосвященный не могъ долго съ ними бесѣдовать и пожелалъ для себя отдыха, любезно распростившись съ ними до слѣдующаго утра. Надобно же было такъ случиться, что моя родительница, сильно пожелавшая увидать преосвященнаго, тоже прибыла въ Лукояновъ и, расположившись ночлегомъ въ домѣ протоіерея Ефима Ивановича, разрѣшилась отъ бремени близнецами двоими сыновьями. Объ этомъ событіи было сообщено преосвященному Ефимомъ Ивановичемъ въ то время, когда они утромъ всѣ четверо представились ему. Да, сказалъ преосвященный, по всему видно, что это такъ случилось отъ сильнаго желанія видѣть меня. Точно тоже самое случилось, еще сказалъ онъ, и съ одною да-

мою въ Пруссіи во время пріѣзда короля въ какой-то городъ, и когда объ этомъ узналъ король, тогда онъ пожелалъ быть воспріемникомъ новорожденнаго. Мой родитель, ободрившись такими словами, осмѣлился просить его удостоить такой же чести и его новорожденныхъ сыновей, на что преосвященный охотно согласился, поручивъ вмѣсто себя быть при купели протоіерею Ефиму Ивановичу, а въ метрику воспріемникомъ приказалъ записать себя, и при этомъ, по Русскому обычаю, вручилъ моему родителю, какъ говорится, на зубокъ, два полуимперіала, въ 5 руб. каждый, а затѣмъ, послѣ совершенія таинства крещенія, сказалъ ему: „Ну, кумъ, теперь поѣдемъ со мною въ гости къ моимъ родителямъ въ с. Кандрыкино". Это село отъ г. Лукоянова верстахъ въ пятнадцати.

По прибытіи моего родителя въ с. Кандрыкино, онъ сдѣлался очевидцемъ умилительной сцены. Преосвященный Іоаннъ, лишь только вступилъ въ родительскій домъ, гдѣ родители встрѣтили его со слезами отъ радости, тотчасъ же палъ имъ въ ноги, съ видимымъ сознаніемъ, что настоящему своему великому сану онъ всецѣло обязанъ ихъ попеченію и заботамъ. А мать его старуха, видя предъ собою не архіерея Іоанна, который для нея, можно сказать, былъ и не интересенъ, но своего любимаго сына Михаила, котораго она родила и вскормила своею грудью, въ слезахъ твердила: „Милый мой Мишенька, дорогой сыночекъ, Богъ привелъ мнѣ, на старости лѣтъ, видѣть тебя, можетъ быть уже въ послѣдній разъ". Затѣмъ старики, мало по малу успокоившись отъ волненія, съ великимъ радушіемъ занялись угощеніемъ всѣмъ, что̀ допустимо для монаха и что̀ оказалось въ запасѣ въ скромной ихъ сельской жизни. Между тѣмъ преосвященный приказалъ своему келейнику принести изъ его кареты все, что̀ въ ней находилось по части выпивки и закуски; а послѣ этого, снявъ съ себя рясу, сказалъ моему родителю: „Сними свою и ты, кумъ; здѣсь церемониться не кстати, мы въ гостяхъ у батюшки". Затѣмъ началась чисто родственная бесѣда, которую родитель мой съ удовольствіемъ часто вспоминалъ въ продолженіе всей своей жизни. Кушай, кумъ, такъ говорилъ старикъ, отецъ преосвященнаго, угощая моего родителя. Названіе моего родителя архіерейскимъ кумомъ, на долго сохранилось въ дружескихъ компаніяхъ.

О преосвященномъ Іоаннѣ сверстники его разсказываютъ, что когда онъ былъ еще семинаристомъ, его называли „Мишкою Горячимъ", потому что онъ былъ весьма задоренъ и часто вступалъ въ поединокъ съ такими товарищами, которые окончательно ему были не подъ силу, какъ на примѣръ съ Іоасафомъ Некрасовымъ, который сдѣлался впослѣдствіи протодіакономъ, а по голосу и умѣнью въ служеніи и пѣніи знаменитѣйшимъ. Этотъ Іоасафъ, учась въ семинаріи, былъ въ тоже время и архіерейскимъ пѣвчимъ; а вѣдь извѣстно, что пѣвчіе всегда пользовались особымъ архіерейскимъ благоволеніемъ, поэтому они въ Семинаріи, ничего не страшась, всегда держали себя вольно и своихъ товарищей, иногда, сильно обижали; но Мишка горячій, не смотря на свою малосильность въ сравненіи съ Іоасафомъ, ни въ чемъ ему не уступалъ, и по этому иногда даже вынуждалъ Іоасафа

убѣгать тъ него, чтобы не получить удара сапогомъ или линейкою. Но вотъ однажды былъ такой случай, что, во время преслѣдованія, Іоасафъ побѣжалъ по лѣстницѣ сверху внизъ, и въ тоже время, незамѣтнымъ образомъ для преслѣдователя, успѣлъ вынуть одну изъ ступеней лѣстницы, гдѣ будущій архіерей упалъ и сильно расшибся, послѣ чего Іоасафъ и сдѣлался для него величайшимъ врагомъ. Хотя, можетъ быть, этотъ случай и не могъ быть вспомянутъ преосвященнымъ Іоанномъ въ то время, когда онъ уже прибылъ на Нижегородскую каѳедру, однакоже протодіаконъ Іоасафъ, въ свою очередь, этого не забылъ, и по этому при первомъ же представленіи преосвященному высказался ему такъ: „Не помяни, преосвященнѣйшій владыко, поступка моего юношества“. Преосвященный на это разсмѣялся и сказалъ, что мы теперь съ тобою уже не школьники и драться уже не будемъ, и это самое наглядымъ образомъ выразилось тѣмъ, что протодіаконъ Іоасафъ сдѣлался для преосвященнаго любимымъ и всегда желаннымъ его гостемъ.

Съ поступленіемъ преосвященнаго Іоанна на Нижегородскую каѳедру, въ родную мѣстность, на первыхъ порахъ, нѣкоторыя лица предполагали, что онъ выкажетъ себя пристрастнымъ къ своимъ родственникамъ и такимъ образомъ постарается ихъ отъ всѣхъ отличить, и не въ примѣръ прочихъ облагодѣтельствовать. Однакоже этого не случилось, и во все время управленія имъ здѣшнею епархіею онъ не только какого нибудь заурядшаго родственника, какъ напримѣръ кума своего, моего родителя, или другихъ подобныхъ ему, ничѣмъ не отличилъ и не возвысилъ, но даже своего отца и родного брата, священника села Азранина, Лукояновскаго уѣзда, Ивана Степановича Доброзракова, оставилъ безъ всякаго отличія на прежнихъ ихъ мѣстахъ.

Доброта и великій умъ преосвященнаго Іоанна пріобрѣли общую любовь и уваженіе къ нему Нижегородцевъ, съ которыми онъ и находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Бывало, ни одинъ публичный обѣдъ не былъ устраиваемъ дворянскимъ обществомъ, на который не былъ бы приглашенъ преосвященный Іоаннъ. Вмѣстѣ съ нимъ для бо́льшаго эфекта, приглашались еще нѣкоторые изъ заслуженныхъ протоіереевъ. И вотъ однажды на подобномъ обѣдѣ, устроенномъ по случаю окончанія дворянскихъ выборовъ, произошелъ курьезный случай. Выборы на этотъ разъ были закончены на послѣднихъ дняхъ сырной недѣли, а обѣдъ устроенъ на первой недѣли великаго поста, для дворянъ изъ кушаньевъ скоромныхъ, а для духовенства изъ постныхъ. Однакоже, при самомъ обѣдѣ, офиціантами кушанья были перепутаны, и духовнымъ, вмѣсто постнаго, было подано скоромное. Преосвященный, разумѣется, не могъ знать, что это такъ произошло по ошибкѣ офиціантовъ; поэтому, благословивъ кушанья, онъ началъ и кушать ихъ. По примѣру его тоже сдѣлали и всѣ прочія духовныя лица, кромѣ впрочемъ одного протоіерея Варваринской церкви Андрея Соколовскаго. А ты что, отецъ Андрей, не кушаешь? спросилъ преосвященный этого протоіерея. Да вѣдь нынѣ постъ, ему отвѣтилъ тотъ. А ты подумалъ, что я

это и забылъ, сказалъ преосвященный, и больше ему тутъ ничего не высказалъ; но послѣ, у себя на дому, куда нарочно былъ призванъ означенный протоіерей, онъ такую задалъ ему бучку, что тотъ и нечалился какъ уйти отъ него. Вѣдь насъ пригласили на обѣдъ, сказалъ преосвященный, и мы должны были ѣсть все, что̀ намъ предложили, а если бы отъ предложеннаго отказались, тогда этимъ мы обидили бы все дворянское общество.

Наконецъ, послѣ девяти или десятилѣтняго управленія преосвященнымъ Іоанномъ Нижегородскою епархіею, наступило время и разлуки съ нимъ по случаю назначенія его въ архіепископа Новочеркасскаго. А когда ему привелось ѣхать къ новому мѣсту назначенія чрезъ г. Арзамасъ, гдѣ въ то время въ Духовномъ Училищѣ обучались его крестники, мои братья, тогда они возымѣли смѣлость явиться къ своему крёстному для полученія отъ него на прощаніе благословенія. Высокопреосвященный принялъ ихъ весьма ласково, и послѣ разныхъ вопросовъ, касающихся ученія, благословилъ ихъ и при прощаніи далъ имъ по 3 р. серебромъ каждому.

Съ поступленіемъ вмѣсто означеннаго архипастыря на Нижегородскую каѳедру преосвященнаго Іакова, родитель мой былъ возведенъ имъ въ санъ протоіерея, съ перемѣщеніемъ изъ с. Мамлѣева въ г. Горбатовъ, а впослѣдствіи уже преосвященнымъ Нектаріемъ былъ назначенъ настоятелемъ ко вновь выстроенной въ Н. Новгородѣ Трехсвятительской церкви. Перемѣщенъ былъ также къ Нижегородской Петропавловской (кладбищенской) церкви и Кудеяровскій священникъ С. И. Покровскій.

Въ 1853 г. началась Крымская война, окончившаяся для Россіи, какъ извѣстно, несчастнѣйшимъ образомъ; но за то послѣдствіемъ ея было впервыхъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а потомъ разныя преобразованія, какъ въ административной, такъ и судебной частяхъ. Открылись земскія учрежденія, гласный судъ и установлена всесословная воинская повинность. Однимъ словомъ, Россія вступила на широкій путь обновленія. Фабричное и ремесленное производство, а также и торговля стали сильно разширяться. Строились: пароходы, желѣзныя дороги и телеграфы, а также вновь открывались разнаго вида учебныя заведенія, и такимъ образомъ просвѣщеніе усиливалось, вмѣстѣ съ распространеніемъ и литературы, и грамотность стала развиваться даже въ селеніяхъ между крестьянъ. Однако же, по случаю увеличивающагося въ ихъ средѣ народонаселенія, сталъ ощущаться большой недостатокъ въ землѣ, а въ тоже время съ распространеніемъ фабрикъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, для которыхъ въ весьма большихъ размѣрахъ безпощадно уничтожались лѣса, послѣдовало сильное обмеленіе рѣкъ, породившее за тѣмъ засухи и частые неурожаи хлѣбовъ. Вслѣдствіе чего цѣны на все сильно увеличились, и жизнь въ экономическомъ отношеніи сдѣлалась дорогою; поэтому многіе изъ крестьянъ обратились къ отхожимъ промысламъ по городамъ, и преимущественно на фабрики, доставлявшія имъ болѣе выгодныя средства, чѣмъ занятіе хлѣбопашествомъ, отчего въ городахъ сильно развился пролетаріатъ, со всѣми присущими ему порочными послѣдствіями: сквернословіемъ, распутствомъ,

пьянствомъ, буйствомъ, воровствомъ, и даже грабежемъ. Тунеядство, а затѣмъ и нищенство съ своими весьма назойливыми и грубыми, а иногда даже и дерзкими, выпрашиваніями, распространились повсемѣстно. Къ нимъ тоже въ большихъ размѣрахъ присоединились еще сборщики церквей и монастырей, по случаю сильно разнившейся страсти заводить при церквахъ большіе колокола и комфортно устраиваться на счетъ доброхотныхъ дателей, и вслѣдствіе этого произошло то, что при церквахъ сдѣлалось даже весьма труднымъ пробиваться чрезъ всю эту ораву назойливыхъ джентльменовъ, а по улицамъ и шагу нельзя ступить, чтобы ихъ не встрѣтить. Въ самыхъ селеніяхъ, между осѣдлыхъ крестьянъ, религіозность и вообще нравственность сильно понизились: пьянство развилось въ большихъ размѣрахъ, послушаніе младшихъ старшимъ окончательно прекратилось, и на сельскихъ сходахъ не стало уже слышно одобрительныхъ словъ младшихъ на мнѣнія стариковъ, какъ это было прежде, а напротивъ того даже съ дерзостію стали уже возражать старикамъ такъ: „ты, дѣдушка Макаръ, изъ ума ужъ выжилъ, поэтому и баишь не ладно“. Даже и дѣти мало стали почитать и повиноваться своимъ родителямъ, отъ чего усилились семейные раздѣлы, пагубно отразившіеся на экономическую жизнь, такъ какъ извѣстно, что у единичныхъ лицъ всякая работа идетъ медленнѣе и гораздо хуже, чѣмъ въ компаніи у нѣсколькихъ лицъ. Однимъ словомъ, во всемъ произошелъ сильный разладъ.

Не лучше дѣла пошли и въ другихъ слояхъ общества. Юношество окончательно вышло изъ родительскаго повиновенія и начальническаго послушанія, сильно стремясь все устроить по своему произволу. Кромѣ того вездѣ и во всемъ замѣчается сильная безурядица. Ложь, обманъ, самоубійства, грабежи и въ весьма широкихъ размѣрахъ хищничества сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Всѣ эти явленія кажутся весьма странными при томъ соображеніи, что они происходятъ именно при постоянно усиливающемся въ Россіи просвѣщеніи, отъ котораго, какъ извѣстно, люди должны бы быть въ поступкахъ своихъ болѣе облагороженными и самые ихъ нравы смягченными.

А вотъ еще произошли въ Россіи странности и относительно температуры, сильно измѣнившейся противъ прежнихъ годовъ. Прежде въ здѣшней мѣстности очень часто зимою доходили морозы по Реомюру до 40 градусовъ, а начиная съ восемьдесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, морозы сильно ослабли, доходя не болѣе какъ до 25 градусовъ; а напротивъ того въ южныхъ губерніяхъ температура сильно понизилась. Не имѣетъ ли это обстоятельство связи съ повсемѣстнымъ распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, служащихъ хорошимъ проводникомъ электричества, и такимъ образомъ не служитъ ли уравненіемъ и температуры? Но этотъ предметъ весьма мудреный, который разрѣшится можетъ только людьми знающими, а мнѣ же самому совсѣмъ не под-силу.

В. И. Глоріантовъ.

Нижній-Новгородъ.

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

Подумаешь, какъ сильно измѣнился Нижній Новгородъ съ того времени, когда, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, я въ первый разъ ознакомился съ нимъ! Жителей въ немъ тогда считалось не болѣе сорока тысячъ, тогда какъ въ настоящее время ихъ достигло уже до ста. Постройки были самыя незавидныя и преимущественно деревянныя. Мощеныхъ улицъ во всемъ городѣ было не болѣе шести, и то находившихся въ небрежномъ состояніи, неметеными и почти совсѣмъ неисправляемыми, отъ чего весною и осенью вездѣ была непролазная грязь; а въ немощенныхъ, особенно по Ковалихѣ и Грузинскому переулку, вовсе и проходу не было; по нимъ и извощики въ грязное время ни за какую плату везти не соглашались. Освѣщеніе было тоже самое жалкое, съ фонарями разставленными одинъ отъ другого на весьма дальнее растояніе, и то только на Благовѣщенской площади и по главнымъ улицамъ, по другимъ же въ темныя ночи было весьма удобно для жуликовъ обирать проходящихъ. На Полевой улицѣ долго практиковалась такая метода, что ночью у Дюковой дамбы подходили къ вамъ двое или трое и предлагали купить пальто или шубу. Да какое пальто, или шубу? спрашивалъ проходящій, когда не видно было ничего у нихъ въ рукахъ. Да то, дескать, которое на тебѣ, отвѣчали ему; а если не купишь, такъ мы и сами съ тебя снимемъ. При такихъ обстоятельствахъ по необходимости приходилось откупаться отъ нихъ рублями тремя, а иногда и больше, смотря по цѣнности костюма. Васъ потомъ предупреждали, что, дескать, у слѣдующей дамбы, на арестанской площади, вамъ снова будутъ продавать пальто, такъ скажите, что уже купили, что дѣйствительно тамъ и было такъ, и послѣ отвѣта «что я уже купилъ», ему говорили: а ужъ купилъ, ну такъ проходи съ Богомъ!

Подобные грабежи были въ большомъ употребленіи при полицеймейстерѣ Зенгбушѣ. При немъ какъ-то все это сходило съ рукъ, и не открывалось ни самыхъ воровъ ни вещей украденныхъ ими. И вотъ однажды какой былъ случай. Архитекторъ Фостиковъ, проживав-

шій на Большой Покровской улицѣ, въ одномъ изъ домовъ Николаевской церкви, получилъ письмо, безъ подписи, съ извѣщеніемъ, что онъ въ нынѣшнюю почь будетъ обкраденъ. Разумѣется, онъ тотъ часъ же извѣстилъ объ этомъ полицеймейстера. Ахъ батюшка! сказалъ Зенгбушъ, я вамъ весьма благодаренъ за такое извѣстіе. Мнѣ давно хочется узнать, гдѣ находится самое гнѣздо здѣшнихъ воровъ. Поэтому я сказалъ Фостикову, чтобы онъ не препятствовалъ имъ войди къ нему въ квартиру, и пускай, дескать, заберутъ все, что̀ имъ понадобится; я же, въ свою очередь, да еще съ нѣсколькими полицейскими лицами, вблизи вашей квартиры, на извощикахъ, будемъ слѣдить за ними. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. И что же вышло? А вышло то, что двое воровъ, безпрепятственно забравши въ квартирѣ Фостикова множество платья и разныхъ цѣнныхъ вещей (всего, какъ говорили, тысячи на три рубл. сер.), уложили все это въ двѣ простыни, и съ образовавшимися такимъ образомъ двумя большими узлами ускакали на двухъ извощикахъ на Ошарскую площадь къ находившейся на углу этой площади и Солдатской улицы лавкѣ, куда съ узлами вошли и тотъ часъ же извнутря заперли за собою дверь, а извощики проѣхали въ Солдатскую улицу. Надобно сказать, что эта лавка имѣла два раствора, одинъ съ Ошарской площади, а другой съ Солдатской улицы, и оба эти раствора запирались извнутря лавки крючьями, а затѣмъ третья дверь, выходившая на дворъ, запиралась уже снаружи висячимъ замкомъ. Поэтому воры, войдя въ лавку съ узлами съ Ошарской площади, тотъ часъ же съ ними вышли чрезъ второй растворъ на Солдатскую и затѣмъ ускакали дальше на тѣхъ же извощикахъ. Такой фокусъ воровъ полицеймейстеромъ не былъ замѣченъ, и онъ все свое вниманіе сосредоточилъ у самой лавки, поднявши тутъ суматоху; но, разумѣется, при обыскѣ какъ въ самой лавкѣ, такъ и въ помѣщеніи хозяина ея, ничего изъ украденнаго не нашлось, и самыхъ воровъ не открыто; даже хозяинъ лавки высказалъ съ своей стороны претензію въ томъ, что, дескать, по пустякамъ и по напраспу его обезпокоили.

Нижній Новгородъ видимымъ въ настоящее время своимъ благоустройствомъ обязанъ Государю Императору Николаю Павловичу, которому, во время посѣщенія этого города, очень понравилось его мѣстоположеніе; старожилы говорили, что онъ даже намѣревался было устроить дворецъ для себя, а съ этимъ вмѣстѣ указалъ все то, что̀ нужно было: одно уничтожить, другое измѣнить и наконецъ что̀ вновь устроить. Такимъ образомъ по его повелѣнію прежде всего уничтожена Стрѣлецкая улица, располагавшаяся отъ Благовѣщенской церкви по направленію къ р. Волгѣ, со всѣми дрянными избенками, нагроможденными въ

безпорядкѣ и къ самой крѣпостной стѣнѣ и внутри ея. Уничтожена также находившаяся въ полугорѣ противъ Георгіевской башни, Пятницкая слободка, вмѣстѣ съ церковію этого же названія, которую велѣно перенести на Старую Сѣнную площадь. За тѣмъ устроены: набережная, съѣзды, бульвары, сады на берегу Волги, красныя казармы, и вообще весь городъ снова былъ распланированъ. Вмѣстѣ съ этимъ не стало и вонючихъ прудовъ: Острожнаго, Дюковскаго, Зѣздинскаго, близъ арестанскихъ ротъ, и другихъ мелкихъ, существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ города, которые окончательно всѣ засыпаны, и взамѣнъ ихъ образовалось нѣсколько общественныхъ садовъ и бульваровъ. Самый же городъ на столько увеличился, что образовалось весьма много новыхъ улицъ, съ нѣсколькими сотнями, домовъ. Однихъ церквей вновь выстроено девять, съ образованіемъ четырехъ новыхъ приходовъ.

Небезъинтересна исторія Троицкой церкви на Старой Сѣнной площади, которая устраивалась на городскія средства. Но городское управленіе, не смотря на высочайшее повелѣніе, почему-то не очень торопилось устройствомъ ея, такъ что самая закладка этой церкви состоялась не ранѣе, какъ лѣтъ чрезъ 15-ть послѣ высочайшаго повелѣнія объ уничтоженіи Пятницкой церкви, вмѣсто которой устроивалась Троицкая; а потомъ и начатая кладка затягивалась на долгое время и ускорилась только благодаря послѣдовавшему новому высочайшему повелѣнію, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Это было во время посѣщенія Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Нижняго Новгорода, вскорѣ по восшествіи его на престолъ. Къ торжественному принятію его городомъ были устроены, при началѣ Зеленскаго съѣзда съ Благовѣщенской площади, деревянные, временные, тріумфальные ворота, которые вечеромъ и должны были илюминовать свѣчками. При въѣздѣ, Императору понравилась архитектура этихъ воротъ, и онъ заявилъ представителямъ города свое желаніе оставить ихъ на всегда: дескать, они тутъ и весьма кстати. Однакоже этому осуществиться было не суждено, потому что означенные ворота въ первый же вечеръ, во время илюминаціи, сгорѣли и сами. Послѣ этаго представители города, въ видѣ изъявленія своей преданности Государю, объявили ему, что вмѣсто сгорѣвшихъ воротъ они устроятъ на этомъ же самомъ мѣстѣ и той же архитектуры постоянные каменные ворота. На такія заявленія гражданъ Государь разсмѣялся и высказалъ, что онъ велѣлъ ихъ оставить на всегда, когда онѣ еще были цѣлы, но теперь не слѣдуетъ на это тратить зря деньги, а гораздо полезнѣе будетъ эти деньги употребить на достройку церкви на Старой Сѣнной площади, которая, дескать, почему-то у васъ весьма долго строится, не смотря на при-

казаніе покойнаго Государя. Послѣ такой императорской пилюли и пришлось отцамъ города постановить опредѣленіе: отчислять на этотъ предметъ изъ городскихъ средствъ, каждогодно по пяти тысячъ рублей. Но и за всѣмъ этимъ дѣло тянулось до окончательнаго освященія этой церкви еще лѣтъ десять. А вѣдь преосвященный Іеремія при самой закладкѣ этой церкви предполагалъ, что она окончательно устроится лѣтъ въ пять; поэтому, положивши въ основаніе первый камень, онъ сказалъ своему книгодержцу (ученику низшаго отдѣленія Семинаріи И. Фл. Спасскому): «положи и ты свой камень, ты будешь тутъ священникомъ». Однакоже это не исполнилось, потому что Спасскій, хотя и окончилъ курсъ семинаріи студентомъ и слѣдовательно вполнѣ сдѣлался достойнымъ быть священникомъ, но за не отстройкою церкви, этого осуществить было нельзя; къ тому же Спасскій вовсе не пожелалъ уже быть священникомъ, а поступилъ на службу въ Палату Государственныхъ Имуществъ, гдѣ и былъ бухгалтеромъ.

Для выполненія высочайше указанныхъ построекъ былъ установленъ въ пользу города судовой сборъ, а предварительно дана ссуда въ нѣсколько тысячъ руб. ассигн. на сорокъ лѣтъ изъ суммъ Приказовъ Общественныхъ Призрѣній разныхъ губерній. Много способствовала благоустройству города и Нижегородская ярмарка (переведенная изъ г. Макарьева въ 1817 году), доставлявшая торговцамъ большія выгоды, отъ чего и образовалось въ городѣ немало лицъ съ весьма солидными капиталами; а при такихъ обстоятельствахъ возникло множество каменныхъ домовъ и изъ нихъ такихъ, которые, по грандіозности своей, могутъ доставить красоту даже въ любой столицѣ.

Въ памяти Нижегородцевъ навсегда сохранится благодарность капиталистамъ за великую ихъ благотворительность и пользу оказанную городу. Вотъ эти лица: Шушляевъ, Переплетчиковъ, Блиновы, Бугровы, Сухаревъ и Рукавишниковы. По щедротѣ ихъ, возникли въ городѣ водопроводъ, богадѣльни, дѣтскій пріютъ, родовспомогательное заведеніе, воспитательный домъ, домъ трудолюбія, дома вдовій и ночлежный, съ особыми источниками на содержаніе ихъ.

Изъ этихъ лицъ всѣхъ замѣчательнѣе Петръ Егорычъ Бугровъ, удѣльный крестьянинъ Семеновскаго уѣзда. Онъ въ Н. Новгородѣ имѣлъ домá, производилъ въ широкихъ размѣрахъ хлѣбную торговлю по купеческому свидѣтельству 1-го разряда, и въ тоже время занимался казенными подрядами, въ которыхъ, по своимъ большимъ денежнымъ средствамъ, всегда и вездѣ считался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, и поэтому пользовался отъ всѣхъ правительствен-

ныхъ и должностныхъ лицъ, не исключая и губернатора, большимъ почетомъ. Не смотря на свои громадныя денежныя средства, онъ по наружности нисколько не отличался отъ обыкновеннаго крестьянина и не допускалъ по отношенію къ себѣ никакой роскоши. Жилище свое онъ пристроилъ въ кухнѣ, гдѣ его часто находили лежащимъ или на печи, или на палатяхъ. Пища его была щи съ чернымъ хлѣбомъ и каша, а въ видѣ роскоши бѣлый хлѣбъ испеченный изъ самаго низкаго сорта пшеничной муки, въ посты же заставали его за большою деревянною чашкою, наполненною квасомъ, капустою съ лукомъ и солеными огурцами. Чаю онъ не пилъ, считая за грѣхъ, такъ какъ онъ былъ изъ сектантовъ, не пріемлющихъ священства. По городу ѣздилъ на дрянной лошаденкѣ, запряженной въ дроги, съ висячею для ногъ подножкою; сбруя на лошади была тоже незавидная. Одпимъ словомъ, по внѣшности вовсе нельзя было заключить, что это владѣлецъ громаднаго капитала. Такъ какъ у Петра Егорыча было много дѣлъ по подрядамъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, то всѣ чиновники, въ столахъ у которыхъ производились эти дѣла, были ему весьма знакомы и даже иногда пользовались отъ него разными подачками. Однакоже надобно сказать, что онъ не имѣлъ обыкновенія давать взятки деньгами, а всегда расплачивался мукой. Ты приди завтра ко мнѣ, говаривалъ онъ кому-нибудь изъ чиновниковъ; я дамъ тебѣ записочку, по которой тебѣ изъ лавки отпустятъ пшеничной мучки. Чиновникъ приходитъ къ нему. А, ты пришелъ; здорово, баринъ! Вотъ тебѣ бумага, перо и чернила и пиши что̀ я скажу: «Отпустить сему податслю одинъ пудъ 3-го сорта пшеничной муки. Что̀, написалъ? Ну давай теперь я подпишу, и подписываетъ каракулями «Бугровъ». Вообще же онъ былъ совсѣмъ безграмотный. Между тѣмъ чиновникъ, пользуясь его безграмотностію, написалъ въ запискѣ не то, что̀ онъ ему диктовалъ, а сказалъ, чтобъ отпустить мѣшокъ въ пять пудовъ пшеничной 1-го сорта муки. Иногда случалось нѣкоторымъ чиновникамъ приходить въ домъ Бугрова и выпрашивать у него денегъ на похмѣлье, и онъ давалъ не болѣе двухъ гладкихъ двугривенныхъ, которыхъ у него всегда было въ запасѣ полная большая деревянная чашка, находившаяся въ кухнѣ на полкѣ.

Совсѣмъ онъ былъ не такъ простъ, когда участвовалъ на торгахъ. Смѣтливость и сообразительность въ немъ въ высшей степени были развиты. У него была какая-то своего рода математика на пальцахъ, по которой онъ быстро соображалъ число потребнаго матеріала или денегъ, и мнѣ совсѣмъ неизвѣстно, чтобы онъ по какимъ либо предпріятіямъ потерпѣлъ неудачу или убытокъ. На торгахъ у него всегда были еще двое подручныхъ, тоже изъ удѣльныхъ крестьянъ, М. Ем. Мака-

ровскій, обладавшій порядочнымъ капиталомъ, а другой, по капиталу изъ посредственныхъ, П. А. Григорьевъ; всѣ они трое вели дѣло на торгахъ всегда въ согласіи между собою, и никогда, какъ говорится, другъ другу ногъ не подставляли. Но когда къ нимъ припутывался еще кто нибудь и начиналъ имъ мѣшать, тогда они дружно старались его смять, или же просто, какъ говорится, подсолить ему. Главнымъ, и можно сказать, опаснымъ для нихъ соперникомъ на торгахъ, всегда считался купецъ 1-й гильдіи Василій Климентовичъ Мичуринъ. Но вотъ были торги на постройку громаднаго зданія для дворянскаго Женскаго Института, на которыхъ Мичуринъ окончательно шелъ на перебой Бугрова и его компаніоновъ, все сбавляя и сбавляя цѣну, и наконецъ довелъ до такой, что, по соображенію Бугрова, сдѣлалось совсѣмъ невозможнымъ взять за эту цѣну постройку означеннаго зданія, и по этому онъ рѣшился подсолить Мичурину, умышленно сбавивъ еще довольно порядочную сумму противъ цѣны Мичурина, а когда тотъ, въ свою очередь, еще сбавилъ, тогда Бугровъ уже отказался; и, обратившись къ своимъ компаніонамъ, сдѣлалъ рукою отмахъ по своему лицу, какъ будто бы поймалъ на немъ безпокоившую его муху, и сказалъ: «Ахъ шельма, которая кусалась, та и попалась!» И дѣйствительно попалась.

Мичуринъ началъ строить зданіе, даже вчернѣ возвелъ его, и денегъ уже ухлопалъ много; соображаетъ достройку и находитъ, что въ деньгахъ, противъ торговъ, будетъ большая нехватка; а на бѣду случилось еще несчастіе: въ коридорѣ на стѣнахъ образовались трещины, которыя, по словамъ архитектора, грозили большею опасностію для всего зданія; просто выходило, что хоть все зданіе ломай и снова возводи. Однакоже, благодаря любезности губернатора князя Урусова, Мичурину было оказано въ этомъ дѣлѣ большое благодѣяніе тѣмъ, что была составлена дополнительная смѣта, по которой, противъ состоявшейся на торгахъ суммы, добавлено ему, Мичурину, еще 50000 руб. Но и этихъ денегъ оказалось недостаточно; своихъ же въ запасѣ у него вовсе не было, и при такихъ обстоятельствахъ, по необходимости, пришлось ему пуститься на такую комбинацію, что онъ принудилъ зятя своего, большого простачка, помѣщика Лѣнивцева, заложить для него свое имѣніе. Вотъ и вышло такъ, что Бугровъ съ своими компаніонами сильно подсолили Мичурину. Надобно сказать, что у Мичурина во всѣхъ его предпріятіяхъ все какъ-то постоянно шли неудачи. Народная молва гласила, что его карала судьба за то, что онъ, Мичуринъ, сильно обидѣлъ малолѣтнихъ дѣтей покойнаго брата своего Кирiака, у которыхъ онъ былъ опекуномъ, и что-то не совсѣмъ ладное устроилъ съ ихъ имѣніемъ.

Немало, въ свою очередь, способствовалъ благоустройству города и бывшій губернаторъ князь Урусовъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ терпѣть не могъ такихъ домовъ, которые, послѣ новой распланировки, оказывались не по линіи, а выдвинутыми впередъ на улицу; поэтому онъ настаивалъ на непремѣнной сломкѣ ихъ. Былъ одинъ такой случай, что владѣтель одного дряннаго домишка, находившагося на самой серединѣ Ковалихинской улицы, при входѣ въ нее съ Варварки, заупрямился. тогда губернаторъ распорядился сломать его домъ чрезъ посредство пожарной команды, и такимъ образомъ, не болѣе какъ въ два или три часа, это мѣсто окончательно было очищено отъ строенія, заравнено и даже пескомъ засыпано. Получилъ ли владѣтель за сломку этого домишка какое либо вознагражденіе, мнѣ неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ за отходящую изъ частнаго владѣнія въ пользу города землю онъ долженъ былъ получить вознагражденіе, согласно положенію, по оцѣнкѣ.

А вотъ еще другой случай. На Благовѣщенской площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время домъ Городской Думы, былъ тоже дряннои одноэтажный деревянный домишка, который, въ сравненіи съ находившимися на этой площади каменными домами, былъ для всѣхъ, какъ бѣльмо на глазу; поэтому князь Урусовъ предложилъ Петру Егорычу Бугрову войти въ соглашеніе съ владѣльцемъ этого домишка и пріобрѣсти его въ свою собственность, а затѣмъ на этомъ мѣстѣ выстроить новый каменный домъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы его приспособить для театра, такъ какъ бывшій на площади, противъ архіерейскихъ воротъ (гдѣ въ настоящее время находится духовная богадѣльня) деревянный городской театръ сгорѣлъ. Необходимость устройства театра была вызвана, откровенно сказать, не столько въ пользахъ города, сколько, по преимуществу, въ угоду двухъ сестеръ актрисъ Глазуновыхъ, къ которымъ князь Урусовъ былъ весьма расположенъ и которыя, за неимѣніемъ театра, оставались безъ занятій. Однакоже владѣтель означеннаго домишка, узнавши всю сущность комбинаціи этого дѣла, туго склонялся на сдѣлку съ Бугровымъ, запросивши за свой домъ весьма высокую, и даже можно сказать, неимовѣрную цѣну; но все-таки, при энергичномъ содѣйствіи самого губернатора, дѣло это было улажено: домишка былъ сломанъ, и вмѣсто него была начата постройка новаго большаго каменнаго дома. Губернаторъ сильно торопилъ Бугрова этою постройкою, съ такимъ расчетомъ, чтобы она была окончена непремѣнно къ веснѣ слѣдующаго года, со всѣми приспособленіями для открытія театра. Поэтому каменная кладка производилась даже и осенью при наступленіи уже морозовъ, и растворяя известку горячею водою. Нужно же было случиться, что этотъ

домъ подвергся жестокому приговору со стороны преосвященнаго Іереміи. Это было 8-го Сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, когда преосвященный проѣзжалъ мимо означеннаго дома на нижній базаръ въ Рождественскую церковь для служенія литургіи и, увидавши, что въ такой великій праздничный день производилась работа, произнесъ свой приговоръ въ таковыхъ страшныхъ словахъ: «Да будетъ проклятъ этотъ домъ и вси зиждущіе его!» Нужно ли говорить, что случилось съ этимъ домомъ? А случилось вотъ что, и весьма страшное. Ранней весною слѣдующаго года вновь начались работы, и когда было еще не совсѣмъ тепло, тогда шли онѣ все еще благополучно; съ наступленіемъ же болѣе теплыхъ дней, и когда стѣны стали уже оттаивать, внутри дома середняя капитальная стѣна рухнула, придавивъ собою одиннадцать человѣкъ рабочихъ. Эта катастрофа произошла часовъ въ семь утра, а я на этотъ разъ былъ дежурнымъ въ Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, помѣщеніе которой находилось тогда почти насупротивъ этого дома, и именно въ томъ самомъ корпусѣ, гдѣ въ настоящее время помѣщается общественная библіотека. Поэтому, услыхавши происшедшій отъ паденія стѣны страшный шумъ, я тотчасъ же отправился на мѣсто происшествія и былъ очевидцемъ извлеченія изъ подъ кирпичей одиннадцати человѣкъ рабочихъ, изъ которыхъ двое были еще живы, но послѣ говорили, что и они на пути въ больницу померли. Князь Урусовъ сильно взбудоражился этою катастрофою, и поэтому завѣдывающаго постройкою, добрѣйшаго и честнѣйшаго архитектора Грицевича, запряталъ на гауптвахту, а на Бугрова напустился такъ, что сулилъ ему и острогомъ, и каторгою, однимъ словомъ, чуть даже не висилицею. Но Бугровъ былъ не изъ робкихъ и не изъ дураковъ, тѣмъ болѣе еще, что онъ съ княземъ всегда объяснялся «на ты», и очень часто являлся къ нему прямо въ кабинетъ, безъ всякаго доклада. Ты что это Бугровъ дѣлаешь? спросилъ его, дожидавшійся въ пріемной губернатора полицеймейстеръ, увидавъ, что Бугровъ, по приходѣ туда же, началъ разуваться. Да у меня сапоги-то очень грязны, такъ боюсь, чтобъ не замарать полъ, отвѣчалъ Бугровъ, и босикомъ прямо отправился въ кабинетъ губернатора. И вотъ тамъ по настоящему дѣлу Бугровъ и высказалъ губернатору такъ: «Ты, князь, не горячись; ни я, ни архитекторъ невиноваты въ этомъ дѣлѣ, а виноватъ ты; вѣдь ты торопилъ насъ работой и заставлялъ даже въ морозы производить кладку, и значитъ, что и на гауптвахтѣ слѣдуетъ быть не архитектору, а тебѣ». Такой смѣлый отвѣтъ Бугрова окончательно смирилъ князя Урусова, и онъ началъ уже объясняться съ нимъ самымъ тихимъ образомъ. Такъ что же намъ теперь дѣлать? спросилъ князь; вѣдь мы одиннадцать человѣкъ рабочихъ сгубили, и теперь ихъ

семьи остались безъ всякихъ средствъ къ существованію. А вотъ всю вину въ этомъ дѣлѣ мы и свалимъ на покойниковъ-то, сказалъ Бугровъ. Вѣдь они изъ мертвыхъ ужъ не воскреснутъ, и значитъ насъ и уличать не будутъ; я и скажу такъ, что, дескать, они безъ моего вѣдома и безъ вѣдома архитектора самовольно производили подкопъ подъ стѣну, отчего она и рухнула. А объ семьяхъ ихъ ты князь не безпокойся, дополнилъ Бугровъ: я ихъ всѣхъ обезпечу своими средствами». Этимъ самымъ дѣло и закончилось. Грицевичъ съ гауптвахты былъ освобожденъ, и постройка дома снова продолжалась безпрепятственно такъ, что къ Декабрю этого года въ немъ былъ уже открытъ и театръ. А вотъ вскорѣ послѣ этого Бугровъ устроилъ для себя и весьма выгодную спекуляцію тѣмъ, что этотъ театральный домъ онъ обмѣнялъ помѣщику Турчанинову на водяную мукомольную мельницу на р. Сеймѣ, въ Балахнинскомъ уѣздѣ, вмѣстѣ съ лежащею при ней лѣсною дачею. Тогда про Турчанинова свѣдущіе люди въ насмѣшку говорили, что, дескать, «смѣнялъ кукушку на ястреба»; къ тому же проклятіе архіерея Іеремія не переставало тяготѣть надъ этимъ домомъ, и онъ, просуществовавши нѣсколько лѣтъ во владѣніи прежде самого Турчанинова, а потомъ его дочери Черкасовой, сгорѣлъ. Послѣ этого хотя и былъ снова возобновленъ, но что-то въ немъ все было неладно; доходы отъ него были весьма незначительные, и это вынудило Черкасову просить, какъ милости, у Николая Александровича Бугрова (это ужъ внукъ Петра Егорыча) пріобрѣсти этотъ домъ въ свою собственность, которымъ за какую-то сумму и былъ онъ купленъ, а потомъ имъ предоставленъ въ пользу города. Но и городское управленіе не могло извлечь для себя большой пользы, такъ какъ домъ, за оказавшимися въ стѣнахъ трещинами, не могъ даже быть и ремонтированъ, и по этому до основанія былъ разобранъ. Такимъ образомъ уже на всегда и закончилась судьба этого несчастнаго дома. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ возведено городскимъ управленіемъ весьма грандіозное зданіе, въ которомъ помѣщается городское управленіе, съ особымъ приспособленіемъ для думскихъ собраній, а также еще помѣстились въ немъ нѣкоторыя общественныя учрежденія; внизу же устроено, съ громадными зеркальными стеклами, нѣсколько помѣщеній для магазиновъ. Въ постройкѣ этого грандіознаго зданія участвовалъ также своими средствами и Н. А. Бугровъ, пожертвовавши для этой цѣли 50000 рублей. Вообще надобно сказать, что Н. А. Бугровъ, по примѣру своихъ дѣда и отца, дѣлаетъ много полезнаго для города. Въ весьма широкихъ размѣрахъ онъ также производитъ пособія крестьянамъ, по случаю пожаровъ и хлѣбныхъ неурожаевъ. А на своемъ фамильномъ кладбищѣ, особнякомъ находящемся на городскомъ выгонѣ, онъ устроилъ женскую

обитель съ такъ называемыми христолюбками, въ которую, кромѣ его самого, никто изъ постороннихъ лицъ доступа имѣть не можетъ. Полицеймейстеръ Курило-Сементковскій подвергся большой непріятности за то, что онъ, во время возникшаго на означенномъ кладбищѣ пожара, проникъ въ это святилище самовольно, чрезъ запертые ворота.

Большой похвалы заслуживаетъ губернаторъ князь Урусовъ еще и за то, что, во время управленія имъ губерніею, всѣ благотворительныя заведенія, какъ то: больницы, богадѣльни, дѣтскіе пріюты (и къ нимъ же еще можно причислить и канцелярское училище, содержимое на средства Приказа Общественнаго Призрѣнія) находились въ отлично-благоустроенномъ состояніи. Вездѣ была чистота и опрятность, такъ что, напримѣръ, крашеные полы каждодневно натирались воскомъ; бѣлье самое чистое и пища, можно сказать, безукоризненно были хороши. Онъ вездѣ, за всѣмъ самъ строго слѣдилъ. У него была, такъ сказать, правая рука, главный смотритель всѣхъ благотворительныхъ заведеній, выслужившійся изъ отдаточныхъ маіоръ Прокопій Макаровичъ Миляковъ, весьма простой и добродушный человѣкъ, сердечно преданный князю, такъ что онъ былъ у него во всѣхъ дѣлахъ, даже и домашнихъ, можно сказать, какъ камердинеръ. Вездѣ онъ успѣвалъ и все аккуратно исполнялъ, за что и пользовался отъ князя великою любовію, и по его ходатайству полученіемъ разныхъ наградъ, сдѣлался такимъ образомъ и потомственнымъ дворяниномъ. А хотя всѣ обитатели благотворительныхъ заведеній и были весьма благодарны князю Урусову за его оказанныя имъ благодѣянія и вообще за тотъ порядокъ, который имъ былъ установленъ въ означенныхъ заведеніяхъ, но ученики канцелярскаго училища и весь служебный персоналъ его не совсѣмъ были довольны имъ за то, что этимъ лицамъ нужно было, какъ говорится, постоянно находиться на чеку и каждодневно ожидать посѣщенія училища княземъ, по той причинѣ, что училище, помѣщавшееся тогда въ томъ зданіи по Мартыновской улицѣ, гдѣ въ настоящее время находится земская женская больница, было по сосѣдству съ маленькимъ домикомъ, принадлежащимъ двумъ сестрамъ-актрисамъ Глазуновымъ, къ которымъ князь Урусовъ имѣлъ большое расположеніе. По случаю частыхъ его посѣщеній этихъ актрисъ, онъ почему-то стѣснялся прямо подъѣзжать къ ихъ дому; для того изъ сада канцелярскаго училища и была устроена калиточка прямо на дворъ Глазуновыхъ, черезъ которую князь всегда и проходилъ къ нимъ.

Почему-то князь Урусовъ не былъ любимъ и Нижегородскими дворянами, такъ какъ вовсе не слышно было, чтобы онъ когда-нибудь находился въ ихъ компаніи. Особенно не любилъ его Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ, помѣщикъ с. Богородскаго, Горбатовскаго уѣзда.

Разсказывали, что у нихъ однажды чуть до шпагъ не дошло дѣло. Шереметевъ называлъ Урусова прямо Татариномъ и говорилъ, что предки твои торговали мыломъ да халатами, а мои предки, дескать, брали города и крѣпости. Надобно сказать, что князь Урусовъ былъ во всемъ большой формалистъ, и онъ не любилъ никакихъ отступленій отъ формъ, особенно по отношенію къ военнымъ, и чуть что не такъ, то сейчасъ же упрятывалъ на гауптвахту. Но при этомъ нерѣдко съ его стороны были поступки и весьма мелочные, и даже можно сказать, и не одобрительные, какъ, напримѣръ: 1) квартальнаго надзирателя Богородскаго, въ наказаніе за его нераспорядительность, заставилъ онъ идти по колѣно въ грязи къ себѣ, гдѣ экипажъ князя застрялъ среди улицы по ступицу, 2) за чиновникомъ В. Гр. Рыжовымъ гонялся по Большой Покровской улицѣ, потому что тотъ имѣлъ на себѣ фуражку съ кокардой, а остальную обмундировку партикулярную; онъ избавился бѣды только тѣмъ, что свернулъ въ магазинъ, а изъ него заднимъ ходомъ укрылся на дворъ и 3) мѣщанина Пускова съ бритою бородою, но имѣющаго усы, отправилъ на гауптвахту и приказалъ тамъ, посадивши на барабанъ, обрить одну половину усовъ, а съ другою выпустить на волю, что, дескать, усы есть принадлежность однихъ лишь военныхъ.

Не помню, куда выбылъ изъ Нижняго князь Урусовъ, но только вмѣсто него поступилъ Декабристъ Муравьевъ, человѣкъ хитрый и весьма скрытный. У него какъ-то все шло втихомолку безъ всякой огласки, но за то всегда ужъ навѣрняка. Съ дворянами онъ не дружился и отъ всякихъ ихъ компаній старался уклоняться, а дружился только съ однимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Николаемъ Петровичемъ Болтинымъ, который, можно сказать, до раболѣпства къ нему былъ преданъ и безпрекословно исполнялъ всѣ его желанія. Губернатору Муравьеву принадлежитъ честь ускоренія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и именно при такихъ обстоятельствахъ. Вскорѣ послѣ окончанія Крымской кампаніи не было еще ничего извѣстно относительно освобожденія крестьянъ; однакоже въ Царствѣ Польскомъ отъ правительства были уже сдѣланы какія-то для нихъ облегченія, а губернаторамъ всѣхъ Великороссійскихъ губерній были даны секретныя предписанія въ такомъ смыслѣ, что не могутъ ли они указать на такія средства, чрезъ которыя бы улучшилось положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ Муравьевъ и началъ дѣйствовать чрезъ посредство Николая Петровича Болтина. На этотъ разъ не помню по какому-то случаю былъ съѣздъ дворянъ;. а вѣдь извѣстно, что въ былое время пребываніе дворянъ въ губернскомъ городѣ всегда сопровождалось каждодневными пиршествами, балами и танцо-

вальными вечерами, а подъ конецъ и весьма грандіознымъ устройствомъ публичнаго обѣда. Муравьевъ предвидѣлъ, что это самый удобный моментъ для приведенія въ исполненіе его задуманныхъ плановъ. Поэтому онъ приказалъ помощнику правителя своей канцеляріи И. А. Разумову быть наготовѣ, и въ тоже время сдѣлалъ распоряженіе, чтобы также были наготовѣ до Москвы и курьерскія лошади. А въ дворянскомъ собраніи въ это время шелъ пиръ горой: вина лились рѣкою, шли тосты съ чоканьемъ бокаловъ, и вообще настроеніе всѣхъ присутствующихъ тамъ дворянъ было весьма веселое. Вотъ въ это-то время и выступилъ съ рѣчью къ нимъ Николай Петровичъ Болтинъ, въ такомъ смыслѣ: «Господа дворяне! Наше правительство, въ виду геройскихъ подвиговъ нашихъ войскъ во время минувшей Крымской войны, прониклось желаніемъ улучшить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ и вообще всего податного сословія въ Россіи, какъ составлявшаго главный оплотъ при защитѣ Севастополя и удивившаго своею стойкостію даже враговъ нашихъ. Относительно крѣпостныхъ крестьянъ Царства Польскаго сдѣлано, дескать, уже то-то...; просвѣщенному вниманію дворянъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ правительство предоставляетъ изыскать способы къ улучшенію быта своихъ крестьянъ, во имя человѣчности. Вотъ въ настоящее время идетъ ожесточенная междоусобная война у Американскихъ Сѣверныхъ съ Южными штатами, изъ за уничтоженія невольничества. А что, господа, если бы и мы изъявили желаніе освободить своихъ крестьянъ, то этимъ бы мы выказали наши патріотическія чувства и неограниченную преданность своему Государю. Вѣдь извѣстно, что Нижегородское дворянство, слѣдуя примѣру гражданина Минина, всегда шло впереди во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ случаяхъ». «Ура! Ура! Ура! Согласны!» послышалось съ разныхъ сторонъ нѣсколько голосовъ. Къ этимъ голосамъ присоединился сильный же голосъ Сергѣя Васильевича Шереметева, но только уже въ другомъ смыслѣ: «Дураки! закричалъ онъ; сами на себя бѣду накликаете». Но у Болтина былъ уже наготовѣ адресъ Государю, который тотъ часъ же многими дворянами и былъ подписанъ. Подписей остальныхъ дворянъ совсѣмъ и не потребовалось, потому что онъ былъ закрѣпленъ подписью губерн. предводителя Болтина, и затѣмъ тотъ часъ же имъ былъ отвезенъ къ губернатору Муравьеву, а имъ переданъ И. А. Разумову, съ приказаніемъ сію же минуту отправиться въ Москву и оттуда немедленно передать адресъ по телеграфу въ С.-Петербургъ Государю. (Въ то время отъ Москвы до С.-Петербурга уже былъ телеграфъ). На другой день дворяне явились было къ Муравьеву съ отказомъ отъ подписей на адресѣ, но Муравьевъ имъ объявилъ, что теперь поздно: адресъ, дескать, уже извѣстенъ Государю. По примѣру Ни-

жегородцевъ послѣдовали такіе же адресы отъ дворянъ Московскихъ и С.-Петербургскихъ; а затѣмъ вскорѣ послѣ этого образовался въ С.-Петербургѣ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Якова Ивановича Ростовцева, самаго усерднѣйшаго и добросовѣстнѣйшаго въ этомъ дѣлѣ человѣка, съ отдѣленіями во всѣхъ губерніяхъ Россіи, для выработки положенія по этому, величайшей важности, предмету.

Въ 1869 году мнѣ привелось быть въ С.-Петербургѣ, гдѣ я въ Александроневской Лаврѣ, въ Ѳедоровской церкви, удостоился видѣть гробницу Я. И. Ростовцева, съ находящеюся на ней золотою медалью и съ надписью «Благодарю».

Послѣ поступка И. П. Болтина по отношенію къ Нижегородскимъ дворянамъ, онъ лишился уже ихъ расположенія, и надъ нимъ стали подтрунивать и даже насмѣхаться. Къ этому для нихъ представлялся весьма подходящій случай: женитьба его на дочери купца Л. М. Коптева, торговавшаго хлѣбомъ. По поводу этого обстоятельства были даже прочитаны со сцены театра дворяниномъ Демидовымъ стихи въ такомъ смыслѣ: «Одинъ знатный господинъ, позабывъ свой важный чинъ, женился на Пастранѣ». Затѣмъ Демидовъ развивалъ такую мысль, что, дескать, не жена ему нужна была, а нуженъ былъ полумилліонъ руб., который онъ и получилъ въ приданое за нею; тесть же его — непросвѣщенный лабазникъ, который съ молодыхъ своихъ лѣтъ былъ проникнутъ страстію нажить большія деньги со грѣхомъ пополамъ. А въ заключеніе восклицаніе: «господа, пожелайте имъ счастливаго плода!» Однакоже у нихъ дѣтей не было. Николай Петровичъ, проживши женатымъ лѣтъ восемнадцать, скончался. Жена же его скончалась, проживши послѣ него еще лѣтъ двадцать. Хотя и была она по наружности некрасива, лицомъ рябая и съ большимъ носомъ, но за то считалась очень умною и добродѣтельною женщиною. Отецъ ея тоже отличался добродѣтельными качествами, и между прочимъ онъ выстроилъ въ Нижнемъ Новгородѣ на свои средства Трехсвятительскую церковь. По смерти его, дочь сдѣлалась единственною наслѣдницею всего его имѣнія, и по этому она много сдѣлала благодѣяній, преимущественно помогая своими средствами бѣднымъ людямъ; а доставшійся по смерти отца каменный домъ она обратила на отдѣленіе Маріинскаго родовспомогательнаго заведенія для воспитанія малолѣтнихъ дѣтей. А вѣдь дворянинъ Демидовъ въ своемъ стихотвореніи сравнилъ ее съ Юліею Пастраною, обезьяноподобною дѣвицею, которую, какъ рѣдкость, показывали за деньги во время Нижегородской ярмарки.

В. И. Глоріантовъ.

Нижній Новгородъ,
по Студеной ул. въ домѣ 30-мъ.
I, 19